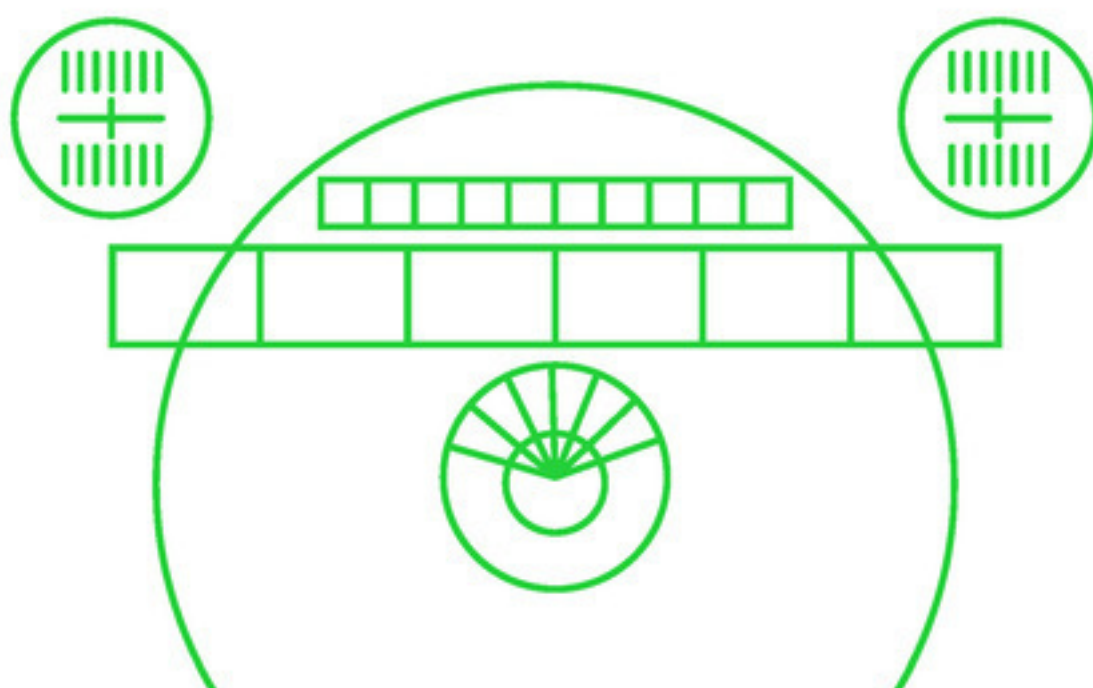

Серия Minima

Ганс Магнус Энциенсбергер

Индустрия сознания

24

Minima

Ханс Энциенсбергер

**Индустрия сознания.
Элементы теории медиа**

«Ад Маргинем Пресс»

1962, 1970

УДК 070:004

ББК 76.00

Энценсбергер Х. М.

Индустрия сознания. Элементы теории медиа /
Х. М. Энценсбергер — «Ад Маргинем Пресс», 1962,
1970 — (Minima)

ISBN 978-5-91103-323-1

«Индустрия сознания» – два эссе Энценсбергера под одной обложкой, написанные во второй половине XX века, но не утратившие своей актуальной значимости и по сей день. «С развитием электронных медиа индустрия сознания заняла лидирующую позицию в социально-экономическом развитии позднеиндустриальных обществ. Она проникает во все остальные сектора производства, перенимает все больше управленческих и контролирующих функций и задает стандарты господствующих технологий». Меткие наблюдения автора относительно политических и культурных процессов в мире впервые издаются на русском языке.

УДК 070:004

ББК 76.00

ISBN 978-5-91103-323-1

© Энценсбергер Х. М., 1962, 1970

© Ад Маргинем Пресс, 1962, 1970

Содержание

I. Индустрия сознания (1962)	6
II. Элементы теории медиа (1970)	12
III. Об авторе	34

Ганс Магнус Энценсбергер

Индустрия сознания.

Элементы теории медиа

Hans Magnus Enzensberger
Bewußtseins-Industrie

Suhrkamp Verlag

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Музея современного искусства «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

Hans Magnus Enzensberger, «Baukasten zu einer Theorie der Medien» (1970)

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1970

All rights reserved by and controlled through Suhrkamp Verlag Berlin

Hans Magnus Enzensberger, «Bewußtseins-Industrie» (1962)

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1964

All rights reserved by and controlled through Suhrkamp Verlag Berlin

© Татьяна Зборовская, перевод, 2016

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Foundation, 2016

I. Индустрия сознания (1962)

В собственном сознании всякому – будь он даже еще в мыслях своих совершенно несамостоятельным – кажется, что он и есть суверен. С тех пор, как разговор о душе заходит лишь при потребности в исповеднике или психоаналитике, сознание считается последним прибежищем, в котором субъект под своим же собственным крылом стремится спастись от катастрофы, которой ему угрожает окружающий мир – и даже считает, что ему это удастся; словно сознание – это цитадель, способная противостоять изо дня в день продолжающейся осаде. Даже в экстремальных условиях господства тоталитарной власти – и тем более при этих условиях! – никто не признается себе, что бастион сознания, возможно, давным-давно пал¹. За сохранение этой иллюзии борются столь яростно, что ее не сравнить ни с какой другой. Вот насколько глубоко и всеохватывающе воздействует на людей философия – в том числе и на тех, кто относится к ней презрительно. Ведь само суеверное упование на то, что отдельный человек может быть хозяином своему сознанию, если уж не может быть хозяином ничему другому – это опустившаяся уровнем ниже философия, от Декарта до Гуссерля, философия даже буржуазная, такой вот идеализм в домашних тапочках, ограниченный тем, что можно окинуть взглядом в своем собственном личном пространстве.

Напротив, в одной старой книге можно прочесть следующее высказывание: «Сознание... с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»². Истина, заложенная в этой фразе, не могла быть выражена раньше или в любое другое время, – слова датируют сами себя. С тех пор, как возникло разделение труда, немногие мыслят, выносят суждения и принимают решения за многих. Однако до тех пор, пока процесс трансляции был прозрачным для каждого, покуда учитель со всей очевидностью предстал перед учениками, оратор – перед слушателями, мастер – перед подмастерьями, а священник – перед приходом, транслируемое сознание оставалось скрытым – как нечто само собой разумеющееся. Заметно лишь то, что непрозрачно: социальное индуцирование сознания и процесс его передачи становятся проблемой, лишь когда обретают промышленные масштабы.

Индустрия сознания – порождение последней сотни лет. Она развивалась столь стремительно, обрела столь различные формы, что само ее существование в целом и по сей день не поддается пониманию – можно даже сказать, что оно практически непостижимо. Кажется, что наше время одновременно завораживает и тревожит ее проявления – но тянущиеся с давних пор дебаты уже потому не достойны своего предмета обсуждения, что они не в состоянии охватить его во всем его многообразии. Каждая отрасль ее требует отдельного рассмотрения, отдельной критики – так, словно всякий раз, с появлением звукового кино или телевидения, нам предлагалось нечто совершенно новое. Однако природу так называемых средств массовой информации нельзя раскрыть, исходя из технологических предпосылок и условий их существования.

Точно так же и термин «культурная индустрия»³, к которому мы до сих пор прибегаем, не может охватить суть указанного явления. Его возникновение можно списать на обман зрения тех критиков, что прельстились мнением общества, склонного считать их частью культурной жизни и потому нарекшего их титулом критиков культуры – что с его стороны было фатальной ошибкой; нередко те не только довольствуются, но и даже гордятся тем, что таким образом

¹ Примером подобного самообмана может послужить так называемая внутренняя эмиграция в Германии во времена пребывания у власти Гитлера. Чрезвычайно остро описывает подобные явления при коммунизме Чеслав Милош в своем эссе «Порабощенный разум» (1953).

² Маркс К. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1985.

³ Ключевое понятие критики культуры Франкфуртской школы, см.: Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия. Просвещение как обман масс / Пер. Т. Зборовской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – Примеч. пер.

подчеркивается их безобидность, что их предприятие реализуется в отдельном секторе. Но впрочем, употребление подобной терминологии пускай и не вполне явным образом, однако все же способно указать нам на происхождение этого так называемого «общественного продукта», то есть сознания. Истоки сознания внеположены всякого рода индустрии. Именно об этом призвано напомнить бессильное здесь слово «культура»: о том, что сознание, пусть даже сознание ложное, хоть и может индуцироваться или воспроизводиться благодаря средствам промышленного производства, но не может быть произведено с их помощью. Но как же оно тогда может производиться? В ходе диалога одного индивида с другими. Таким образом этот индивид совершает некое общественное действие – и тем не менее, деятельность индивида здесь нельзя заменить деятельностью группы лиц или коллектива, и уж тем паче промышленной технологией. Данная простая истина является частью парадоксальной сущности индустрии сознания и во многом служит залогом того, что индустрию эту так сложно – или невозможно – понять. Она чудовищна, потому что сосредоточена вовсе не на обеспечении продуктивности, а на распространении продукта, на собственных вторичных и третичных производных, на просачивающихся утечках, на переменном аспекте того, что она преумножает и доносит до потребителя. Именно так из песни у нее получается шлягер, а из высказывания Карла Маркса – несокрушимый девиз. Но тем самым мы как раз приближаемся к ахиллесовой пяте индустрии сознания, которая существует, несмотря на то, что эта индустрия столь всемогуща. О которой сама индустрия ничего не хочет знать. Она стремится вытеснить философию и музыку, искусство и литературу – то, за счет чего она, в конце концов, вообще существует, заклеить их как недостойных, указать им на отведенное место в резервате, где неясно, то ли их охраняют от вымирания, то ли они посажены под замок. Название «культурная индустрия» лишь способствует вытеснению того, что ее саму питает. Благодаря ему кажется, что перед нами – совсем безобидное явление, благодаря нему общественные и политические последствия индустриального распространения и изменения сознания уходят в тень.

Напротив, критика идеологий и критика политической пропаганды недооценивают масштаб влияния, оказываемого индустрией сознания, поскольку – с их точки зрения – ее воздействие на политическую теорию и практику носит лишь ограниченный характер: будто промышленным путем нам транслируются одни лишь лозунги, будто можно разграничить общественное и личное сознание, последнее из которых было бы способно черпать некие выводы из себя самого.

Таким образом, в то время как ведутся ожесточенные споры в отдельности о таких новых технологических инструментах, как радио, кино, телевидение, винил, о мощи пропаганды, рекламы, пиара, индустрия сознания в целом остается за пределами внимания. К примеру, в этом перечне чрезвычайно редко фигурирует ее старейшая и по сей день во многих отношениях весьма поучительная отрасль – журналистика: вероятно, потому что она более не считается ни культурным новшеством, ни технологической сенсацией. Практически не признают уже за области индустрии сознания и потому никак не исследуют ни моду, ни дизайн, ни туризм, ни религиозное просвещение; промышленное индуцирование «научного» сознания можно было бы подвергнуть изучению на примере современной физики, психоанализа, социологии, демоскопии и прочих дисциплин. Однако прежде всего стоит сказать: мы все еще не осознали окончательно, что индустрии сознания только предстоит обрести свой подлинный размах; на сегодняшний день она даже не овладела своим основным приемом – воспитанием. В наше время индустриализация обучения только начинается; покуда мы все еще спорим об учебных планах, системе школьного образования, о нехватке педагогических кадров и одно- и двухсменном обучении, появляются технические средства, в свете которых любые разговоры о реформе образования можно считать анахронизмом.

Уже в ближайшем будущем индустрия сознания вынудит нас считать ее радикально новой, уже не определяемой масштабом собственных начинаний, быстро растущей силой. На

самом деле именно она является основной силой промышленного производства в XX веке. Где бы сегодня ни происходил захват власти в высокоразвитой стране (или, наоборот, ее освобождение), где бы ни случалась национальная забастовка, революция, переворот – новый режим в первую очередь стремится завладеть уже не улицами и центрами тяжелой индустрии, а теле- и радиовещанием, типографиями и телефонными станциями. В то время как управленцы и эксперты, занятые в областях тяжелой промышленности, производстве товаров народного потребления и на государственной службе, еще могут быть в общем и целом уверены, что их не тронут, работников аппарата индустрии сознания смещают незамедлительно. Именно в таких экстремальных ситуациях становится очевидно, что они и занимают ключевое положение.

На первый взгляд можно обнаружить и вкратце охарактеризовать четыре основных условия существования индустрии сознания:

1. Философской предпосылкой всякого рода индустрии сознания является просвещение в самом широком смысле этого слова. Она ориентирована на зрелого человека даже в тех случаях, когда прилагает усилия к тому, чтобы лишить его этого статуса. Монополия индустрии сознания может установиться лишь тогда, когда будет низвергнута монополия теократии, а вместе с ней – вера в откровение и озарение, в святой дух, сходящий на нас через посредничество священнической братии. После свержения теократии в Тибете данная предпосылка существует на земле повсюду.

2. Политической предпосылкой индустрии сознания является прокламация (но не воплощение в жизнь) прав человека, в особенности принципов равенства и свободы. Исторической моделью в данном случае для Европы может служить Французская революция, для коммунистических стран – Октябрьская революция, а для американских, азиатских и африканских государств – крушение колониальной системы. Только благодаря фикции, создающей впечатление, словно у каждого человека есть право распоряжаться судьбой общества и своей собственной судьбой, сознание – будь то самосознание индивида или целого общества – обретает политическое значение, а его промышленное индуцирование становится залогом господства любой грядущей системы.

3. С экономической точки зрения развитию индустрии сознания предшествует первоначальное накопление капитала. В раннекапиталистических (или аналогичных им) условиях, то есть до тех пор, пока рабочие и крестьяне за счет своего труда могут лишь обеспечивать себе скромное существование и не более, формирование индустрии сознания невозможно, да и в ней нет потребности. На данной стадии нескрываемая экономическая нужда полностью ниспровергает ту фикцию, что пролетариат будто бы сам должен принимать решение касательно своей общественной организации; однако для сохранения полномочий находящегося у власти меньшинства достаточно и доиндустриальных форм передачи сознания. Индустрия сознания может развиваться, только когда сформированы основные отрасли промышленности и стабилизировано массовое производство товаров народного потребления. Оттачивание средств производства требует все более высокого уровня образования не только среди правящей элиты, но и у большинства населения. Лишь повышение уровня жизни на фоне снижения продолжительности рабочего времени позволяет сознанию обрести некую иную форму, кроме самой примитивной. При этом высвобождается энергия, потенциально опасная для господствующего класса. Сегодня этот процесс можно наблюдать в некоторых развивающихся странах, где на протяжении долгого времени он искусственно сдерживался; если в них и можно буквально за ночь создать политические предпосылки для становления индустрии сознания, то возникновения экономических условий ее развития придется подождать.

4. В результате индустриализации как экономического процесса словно сами собой создаются последние, технические предпосылки, без которых сознание не может быть индуцировано промышленными средствами. Основы для создания радио-, кино-, фоно- и телетех-

ники были заложены лишь ближе к концу XIX века, то есть к тому моменту, когда электротехника давным-давно стала частью промышленного производства товаров. Динамо-машина и электромотор предшествовали появлению усилителя и киносъёмочного аппарата. Это историческое запаздывание соответствует ходу экономического развития. Тем не менее, за создание технических предпосылок не требуется каждый раз бороться заново: они уже даны, всюду, раз и навсегда.

Напротив, политические и экономические условия существования индустрии сознания в настоящее время полностью реализованы лишь в наиболее могущественных странах мира. Однако им суждено воплотиться в жизнь повсюду. Речь здесь идет о необратимом процессе – из чего следует, что любая критика индустрии сознания, требующая ее ликвидации, бессмысленна, и с этим нельзя ничего поделать. Конечная суть подобной критики в том, чтобы в принципе повернуть вспять ход индустриализации, ликвидировать ее – что было бы равноценно самоубийству. То, что подобное уничтожение нашей цивилизации возможно благодаря ее же собственным техническим возможностям, заставляет предложения ее реакционных критиков звучать в духе мрачной иронии. Они явно не это имели в виду: по их мнению, исчезнуть должны только Новое время, человек, воспитанный в среде массовой культуры, и телевидение. Сами же критики, как им кажется, должны уцелеть.

И все же влияние индустрии сознания, пусть даже в отдельных его аспектах, описывается с достаточной регулярностью, и местами оно подмечено весьма проницательно. В отношении капиталистических стран наибольшим вниманием критики пользовались так называемые средства массовой информации и реклама. Консерваторы и марксисты чересчур быстро пришли к согласию по поводу того, что во всем следует винить их коммерческий характер. Подобные претензии не затрагивают сути происходящего. Не говоря уже о том, что зарабатывать на преумножении новостей или музыкальных произведений ничуть не более аморально, чем зарабатывать на преумножении автомобильных шин – так вот, не говоря об этом, подобного рода критика просто-таки не видит того, что именно отличает индустрию сознания от всякой другой индустрии. Наиболее продвинутые ее отрасли уже давно отошли от торговли товарами: книги и журналы, изображения и аудионосители для нее – не более чем материальный субстрат, которые по мере технологического совершенствования утрачивают свою ценность и продолжают играть экономически значимую роль лишь в наиболее архаичных ее областях, таких как издательское дело. Даже такую сферу, как радиовещание, уже никоим образом нельзя сопоставить со спичечной фабрикой – его продукт совершенно нематериален. Производятся и поставляются не товары, а мнения, суждения и предрассудки, то есть всякого рода содержательные единицы сознания. Чем дальше отступает на задний план их материальный носитель, чем более абстрактна и чиста форма их подачи, тем меньше индустрия зависит от их продажи. Если потребитель, приобретающий иллюстрированную газету, все-таки компенсирует часть стоимости ее производства, пусть даже ничтожную, то радиослушателю или телезрителю доступ к передачам предоставляется бесплатно или практически бесплатно – более того, он им навязывается и прямо-таки впаривается, тем более если речь идет о чистого вида рекламе или о политической пропаганде. У них нет цены, и их суть невозможно постичь, исходя из понятия коммерции. Любая критика индустрии сознания, обращенная лишь к капиталистическим ее проявлениям, слишком недалекновидна и не видит того, что в ней действительно есть радикально нового, лишь ей одной свойственного, не замечает ее реальных достижений. Важен не только и не столько общественный строй, которому служит индустрия, и даже не то, управляется ли она государством, обществом или частными лицами; роль играет социально значимая цель, которую она преследует. И сегодня во всех – или практически во всех – случаях цель эта одна и та же: увековечение существующих отношений власти, вне зависимости

от того, какого они рода. Сознание индуцируется лишь для того, чтобы затем его можно было эксплуатировать.

Но давайте вначале договоримся о том, что понимать под нематериальной эксплуатацией. На время первоначального накопления капитала в любом государстве на первый план выходит материальная эксплуатация пролетариата; как можно видеть на примере сталинской России или КНР, этот же принцип распространяется и на коммунистические страны. Но стоит этому периоду приблизиться к концу, как становится очевидно, что эксплуатация имеет место не только в экономике, но и в сознании. Кто – раб, а кто – господин, определяется не только тем, в чьей власти распоряжаться капиталом, фабриками и оружием, но тем, в чьей власти распоряжаться сознанием других – и чем дольше мы за этим наблюдаем, тем очевиднее становится данный факт. Как только производство материальных благ достигло значительного масштаба, прежние прокламации, несмотря на долгие десятилетия замалчивания, обусловленного экономической нуждой, кризисами и террором, демонстрируют свою былую мощь. Ничто не способно заставить от них отказаться. Стоило им прозвучать – и ни одна власть уже не сможет в принципе мнить себя в безопасности, а будет зависима от одобрения подчиненных; именно их одобрения ей приходится добиваться, беспрестанно оправдывать себя в их глазах – даже в случаях, когда единственной ее опорой служит сила оружия⁴. Материальная эксплуатация вынуждена скрываться за нематериальной и искать одобрения своих подданных уже при помощи новых средств. Накопление политической власти успешно обходит накопление богатств. Присваивается уже не только рабочая сила, но и способность судить и делать выбор. Ликвидируется не эксплуатация, а сознание эксплуатации. Начинается обретающее промышленные масштабы искоренение альтернатив: с одной стороны – методом запрета, цензуры, введения государственной монополии на все производственные средства индустрии сознания, с другой стороны – методом «самоконтроля» и экономического давления. На место материального приходит нематериальное обнищание, наиболее явственно проявляющееся в снижении политического потенциала индивида: массе политически неимущих, которым можно внушить идею коллективного самоубийства, даже не спрашивая их мнения, противопоставляется все меньшая группа политически всемогущих. И то, что эта ситуация принимается и добровольно сносится большинством, на сегодняшний день представляет собой величайшее достижение индустрии сознания.

Тем не менее, описание сущности этой индустрии не ограничивается ее современными проявлениями. Насколько мало мы можем извлечь из существования текстильного или сталелитейного производства информации о детском труде и депортации, настолько же мало существование индустрии сознания говорит нам о нематериальной эксплуатации, с которой нам сегодня приходится сталкиваться повсеместно. Она не только предполагает, что у каждого есть абстрактное право на собственное сознание, суждение, способность принимать решение, но и, противореча сама себе, вновь и вновь это право провозглашает. Ведь эксплуатировать можно только те ресурсы, что есть в наличии; чтобы одомашнить их во имя власти, необходимо их вначале пробудить. Часто замечают, что невозможно оградить себя от посягательств индустрии сознания, и это всегда трактуется как указание на ее небезопасную природу; однако то, что она обеспечивает участие каждого индивида в едином деле, вполне может наносить ответный удар тем, кому она служит. Она не может воспрепятствовать своей собственной динамике, и в ней обращают на себя внимание необходимые моменты, в которых она противоречит своей нынешней задаче – стабилизации имеющихся отношений власти. С этой динамикой связано также то, что индустрию сознания никогда нельзя подчинить тотальному контролю. Ее можно превратить в замкнутую систему только ценой ее собственного отмирания, то есть насильственно

⁴ Нигде к «формированию сознания», «сознанию масс» и манипулированию им не относятся так серьезно, как в коммунистических государствах.

делая ее бессознательной и отказываясь от ее более глубинного воздействия. Но отказаться от такого воздействия сегодня уже не в силах ни одна власть.

Двусмысленность, заключающаяся в том, что индустрия сознания вначале должна предоставить своему потребителю то, что впоследствии собирается у него отнять, повторяется и обостряется, если обратить внимание на тех, кто ее производит, на интеллектуалов. Не они, конечно, располагают индустриальным аппаратом, а индустриальный аппарат располагает ими – но и подобные взаимоотношения отнюдь не однозначны. Достаточно часто индустрии сознания вменялось в вину, что она распродает «культурные ценности». Само это указывает на то, в какой степени она зависима от реального производительного меньшинства; по мере того, как она отвергает их сиюминутный труд как несовместимый с ее политической задачей, она вынуждена полагаться на услуги интеллектуалов-оппортунистов и на адаптацию старого, даже если это старое в буквальном смысле ржавеет у нее в руках⁵. Властители индустрии сознания, кем бы они ни были, не могут сообщить ей ее первоначальный энергетический потенциал – им они обязаны тем самым меньшинствам, элиминировать которые и призвана индустрия: авторов, которых она презирает как маргиналов или превращает, как звезд, в идолов, эксплуатация которых только и обеспечивает эксплуатацию потребителя. Все, что распространяется на тех, кто что-то получает от индустрии сознания, распространяется в еще большей степени и на самих ее производителей: они одновременно и партнеры по производству, и его враги. Индустрия, преумножая сознание, одновременно преумножает и собственные противоречия, увеличивая разрыв между возложенными на нее обязанностями и тем, чего она добивается.

Всякая критика индустрии сознания, упускающая из виду эту двусмысленность, бессмысленна или даже опасна. Уже сам тот факт, что большинство наблюдающих за ее функционированием не рефлексируют собственную позицию, показывает, сколько на самом деле здесь замешано глупости и упрямства – они делают вид, будто критика культуры вовсе не является сама частью того, что она критикует, что она может выносить суждения, не пользуясь услугами индустрии сознания, или более того: что она может выносить суждения, не будучи сама к услугам индустрии сознания⁶.

Здесь любое недialeктическое мышление утратило свои права, и путей к отступлению больше нет. Пропадет и тот, кто из протеста против индустриального аппарата пожелает удалиться в область того, что кажется эксклюзивным; индустриальными шаблонами давным-давно пронизаны даже приватные встречи религиозных кружков. В конце концов, следует в принципе разграничивать неподкупность и пораженчество. Речь не о том, чтобы бессильно отрицать индустрию сознания, но о том, чтобы научиться играть в ее опасную игру. Это требует новых знаний, иной степени бдительности, которая позволит замечать любую форму давления.

Стремительное развитие индустрии сознания, то, что она заняла положение ключевой инстанции современного общества, изменяет социальное положение интеллектуала. Перед ним открываются новые опасности и новые возможности. Ему следует рассчитывать на то, что он столкнется с совершенно иными, менее заметными попытками подкупить его или оказать на него давление. Добровольно или нет, осознанно или нет, но он становится сообщником индустрии, чья участь зависит от него, а его участь, в свою очередь – от нее, индустрии, чья сегодняшняя задача – упрочнение сложившихся отношений власти – несовместима с его собственными задачами. И как бы он себя ни повел, его ставка в этой игре принадлежит не только ему.

⁵ Вспомнить, к примеру, в ГДР так называемую заботу о национальном культурном наследии.

⁶ Среди примеров подобной нерефлексивной культурной критики особенно заметны Фридрих Георг Юнгер, Романо Гвардини и Макс Пикард.

II. Элементы теории медиа (1970)

Если же вы считаете это утопией, прошу вас задуматься над тем, почему это утопично.

Бертольт Брехт, «Теория радио»⁷

1.

С развитием электронных медиа индустрия сознания заняла лидирующую позицию в социально-экономическом развитии позднеиндустриальных обществ. Она проникает во все остальные секторы производства, перенимает все больше управленческих и контролирующих функций и задает стандарты господствующих технологий.

Вместо нормативных определений приведу здесь далеко не полный список появившихся за последние двадцать лет новшеств: новостные спутники, цветное, кабельное и кассетное телевидение, магнитная запись изображения, видеомагнитофон, видеотелефон, стереозвук, лазерная техника, электростатическое копирование, скоростные электронные принтеры, фотонабор, обучающие машины, микрофиши и электронные читальные аппараты к ним, беспроводная печать, компьютеры, оборудованные системой с разделением времени, базы данных. Все эти новые медиа вступают во все новые и новые связи между собой и с медиа прежних поколений, такими как печать, радиовещание, кино, телевидение, телефон, телетайп, радиолокация и т. д. Прямо на наших глазах они образуют универсальную систему.

Однако общее противоречие между производительными силами и производственными отношениями наиболее ярко проявляется там, где они в наибольшей степени выдвигаются вперед. (Напротив, затяжные структурные кризисы, по типу шахтерских, решаются путем простого наверстывания отставания, то есть в рамках самой системы, и выстраивать на них революционную стратегию было бы недальновидным.)

В условиях монополистического капитализма индустрия сознания развивается быстрее и успешнее, нежели иные секторы производства; однако ему же ее и приходится сдерживать. Социалистической теории медиа необходимо поработать над этой проблемой: показать, что она не решаема в рамках имеющихся производственных отношений; что расхождения стремительно увеличиваются; что ситуация потенциально взрывоопасна. Выражаясь словами Беньямина, такой подход «должен отвечать определенным прогностическим требованиям»⁸.

Недостаточно «критической» инвентаризации существующего положения дел. Опасность состоит в том, что можно недооценить растущее число конфликтов в области медиа, счесть их чересчур безобидными, не выходящими за рамки профсоюзной борьбы или, наоборот, носящими исключительно либеральный характер, интерпретировать как традиционные трудовые конфликты или столкновение особых интересов (художественного руководителя и завлита, издателя и автора, монопольной компании и среднего предприятия, государственного учреждения и частнокапиталистического предприятия и т. д.). Подобное понимание чересчур поверхностно и ограничивается тактическими разногласиями.

Марксистской теории медиа на данный момент не существует. Поэтому не хватает и стратегии, которая была бы в данной области применима. Отношение левых социалистов к новым производительным силам индустрии сознания характеризуется неуверенностью и метаниями

⁷ Здесь и далее цит. по: *Брехт Б. Теория радио* / Пер. с нем. Е. Кацевой, С. Ташкенова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

⁸ *Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Краткая история фотографии* / Пер. С. Ромашко. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

между страхом и сдержанностью. Двойственность этой позиции всего лишь отражает амбивалентность самих медиа, но не дает возможности овладеть ситуацией. Преодолеть подобное отношение можно лишь путем выявления шансов на эмансипацию, кроющихся в той самой новой производительной силе – шансов, которые капитализм вынужден саботировать точно так же, как и советский ревизионизм, ибо их реализация опасна для стабильности и той, и другой системы.

2.

Очевидно, что секрет электронных медиа, по сей день подавляемый, купируемый политический аспект, имеющий в их случае решающее значение и по-прежнему ожидающий возможности проявить себя – в том, что в них заключена мобилизующая сила.

Когда я говорю «мобилизовать», я имею в виду именно «мобилизовать». В стране, на себе познавшей, что такое фашизм (а затем и сталинизм), видимо, все еще – или уже снова – приходится объяснять, что это значит, а именно – сообщить людям импульс к более активному, нежели в данный момент, движению. Сделать их свободными, словно танцовщики, сконцентрированными, словно футболисты, внезапными, словно герильерос. Тот, кто рассматривает народные массы лишь как политический объект, не в состоянии их мобилизовать. Он всего лишь намеревается их куда-то направить. Такой объект, как почтовая посылка, не движется – его просто перебрасывают туда-сюда. Людей мобилизуют митинги, шествия, парады. Пропаганда, которая не только не способствует проявлению самостоятельности, но и всячески парализует ее, работает по той же схеме. Она приводит к деполитизации.

Впервые в истории медиа делают возможным массовое участие в общественном, управляемом самим обществом продуктивном процессе, практические средства реализации которого находятся в руках тех же масс. Подобное использование средств массовой коммуникации действительно оправдало бы их название, которое они пока что носят незаслуженно. В своем нынешнем обличье такие средства, как кино и телевидение, служат вовсе не целям коммуникации, а, наоборот, ее предотвращению. Они не допускают никакого обмена между отправителем сигнала и его получателем: говоря языком техники, обратная связь в них сведена к настолько низкому уровню, который только теоретически возможен в этой системе.

Однако подобное положение вещей не имеет под собой технических оснований. Напротив, электротехника не знает принципиального различия между передающим и принимающим устройством. Всякий транзисторный радиоприемник по структуре своей одновременно является и потенциальным передатчиком; посредством обратной связи он может воздействовать на других получателей сигнала. Преодоление разницы между простым средством передачи информации и средством коммуникации с технической точки зрения не является проблемой. Однако данное развитие искусственно тормозится по тем или иным политическим причинам. Техническое деление на приемники и передатчики отражает принятое в обществе разделение труда, различие производителя и потребителя, которое в контексте индустрии сознания приобретает еще более яркую политическую окраску. В конце концов разделение это зиждется на базовом конфликте, существующем между господствующим и подчиненным классом (то есть между монополистическим капиталом или монополистической бюрократией с одной стороны и зависимыми массами – с другой).

Структурную аналогию здесь можно проследить детально. Программное предложение картеля каналов вещания соответствует политическому предложению картеля структур власти, опирающихся на авторитарно настроенные партии. Маргинальные различия, существующие в рамках обеих платформ, представляют собой отражение отношения конкуренции, которой не существует по поводу ключевых вопросов. Избиратели (зрители) обладают минимальной самостоятельностью: обратная связь сводится до уровня показателей индекса, как на парла-

ментских выборах при двухпартийной системе. Все «волеобразование» сводится к сообщению ответного сигнала путем простого перевода выключателя в одно из трех положений: «Программа 1», «Программа 2» или «Выкл.» (в случае, если избиратель воздерживается).

«Радиовещание надо превратить из аппарата дистрибуции в аппарат коммуникативный. Радиовещание может стать великолепнейшим из всех мыслимых коммуникативных аппаратов общественной жизни, небывалой системой каналов, то есть оно может стать таким, если сумеет не только передавать, но и принимать, следовательно, если сумеет сделать слушателя не только слушающим, но и говорящим, не изолировать его, а установить с ним отношения... Неосуществимые при этом общественном порядке, осуществимые при другом, эти предложения, являющиеся лишь естественным выводом из технического развития, служат пропаганде и формированию этого *другого* порядка» (Бертольт Брехт, «Теория радио»).

3.

Ужасающее описание монолита индустрии сознания Джорджа Оруэлла исходит из недialeктического и устаревшего понимания медиа. Возможность тотального контроля посредством центральной инстанции, заложенная в таких системах, относится не к будущему, а к прошлому. С помощью теории систем – дисциплины буржуазной науки, оперирующей имманентными этой системе категориями, – можно доказать, что коммуникационная связь, или, если выражаться языком техники, логическая схема, достигнув определенной критической величины, более не подвластна централизованному контролю и может описываться лишь при помощи статистических подсчетов. С одной стороны, принципиальная уязвимость стохастических систем компенсируется вероятностными вычислениями на основании проб и экстраполяций, но с другой стороны, если бы понадобилось провести полный мониторинг, обеспечивающий стопроцентную надежность информации, его масштабы превысили бы размер самой системы. К примеру, прослушивание всех телефонных разговоров потребовало бы аппарата на порядок более крупного и сложного, чем существующий аппарат связи. Орган цензуры, в обязанности которого входило бы осуществление столь масштабной работы, непременно стал бы самой большой отраслью общественного производства.

В то же время контроль, производимый на основе приблизительных данных, не дает достаточных возможностей для того, чтобы система при самостоятельном управлении развивалась в том направлении, в котором бы этого хотели власть предержащие. Для этого системе требуется высокая степень внутренней стабильности. Стоит этому хрупкому балансу нарушиться – и основывающееся на статистической вероятности антикризисное управление окажется бесполезным. Дестабилизирующие факторы могут проникнуть в незащищенную (и не поддающуюся защите) структуру связей медиа и благодаря резонансу чрезвычайно быстро распространиться и укрепиться в ней. Оказавшийся под угрозой режим – в подобном случае, если он еще будет способен принимать решения, – в подобном случае окажется вынужден применить силу или прибегнуть к помощи армии или полиции.

Следовательно, режим чрезвычайного положения оказывается единственным, что можно противопоставить уязвимости индустрии сознания. Но его введение может быть лишь временной мерой. Позднеиндустриальные общества нуждаются в ничем не ограниченном обмене информацией: таким образом, «вынужденная необходимость», на которую постоянно ссылаются контролирующие их органы, оборачивается против них же самих. Любая попытка игнорировать случайные факторы, любое уменьшение объема потока или деформация информационной структуры, сохраняющиеся на протяжении определенного времени, приводят к закупорке канала.

Электронные медиа не только уплотнили информационную сеть внутри, но и привели к ее расширению вовне. Еще на примере эфирных войн 1950-х годов можно было убедиться,

что в области коммуникации национальный суверенитет обречен на вымирание. По мере дальнейшего развития спутниковой системы с ним будет покончено окончательно. Информационный карантин – подобно тому, который пытались ввести фашистский и сталинский режимы – сегодня возможен лишь ценой сознательного промышленного регресса.

Приведем пример. Советская бюрократия, самая крупная и сложноструктурированная в мире, вынуждена отказаться от использования технического средства из разряда элементарной оргтехники – копировального аппарата, поскольку благодаря ему каждый может стать потенциальным производителем печатной продукции. Заложенным в этом политическим риском и вероятной уязвимостью информационной сети пренебрегают лишь на самом высоком уровне, в узловых точках политической, военной и научной схем. Очевидно, что советское общество вынуждено расплачиваться за снижение собственной производительности крайне дорого – медлительностью, дезинформированностью и накладными расходами. Но и на капиталистическом Западе у этого прецедента есть свой аналог, пусть и не столь ярко выраженный: прогрессивный электростатический множительный аппарат, работающий с использованием обычной бумаги, то есть вне зависимости от поставщиков и вне их контроля, является собственностью монополистического предприятия (XEROX®) и в принципе не продается, а только сдается в аренду. Уже в самой стоимости заложено то, что он не должен попасть в неправильные руки. Аппарат словно сам собой возникает там, где сконцентрированы политическая и экономическая власть. Политический контроль над его использованием идет рука об руку с получением его производителями максимальной выгоды – однако, в противовес советскому опыту, по ряду вышеназванных причин эта система вовсе не лишена уязвимостей.

Ввиду этого проблема цензуры выходит на новый исторический уровень. Борьба за свободу прессы и мнений до настоящего времени в основном была предметом споров, не выходящих за пределы класса буржуазии; для народных масс же свобода выражения мнения была фикцией, поскольку они изначально не были допущены к средствам производства, прежде всего к прессе, а потому к свободной сфере публичности. Сегодня самой цензуре угрожают производительные силы индустрии сознания, уже отчасти противостоящие господствующим производственным отношениям. Но противоречие между возможным и действительным обострится еще до того, как отношения эти будут свергнуты.

4.

В 1960-е годы новые левые свели концепцию развития медиа к одному-единственному понятию – манипуляции. Изначально оно несло в себе существенную эвристическую пользу и позволило осуществить целый ряд отдельных аналитических исследований, однако существует опасность, что оно превратится в простой ярлык, который больше умалчивает, чем объясняет, и потому сам по себе также требует анализа.

Теория манипуляции, предложенная левыми, по сути представляет собой оборонительную стратегию, а потому под ее воздействием может выработаться пораженческая позиция. Субъективно в основе подобного ухода в защиту лежит переживание бессилия. Объективно же ему соответствует совершенно справедливое признание того, что важнейшие средства производства сосредоточены в руках противника. Но наивно было бы возмущаться по этому поводу. Когда говорят о манипуляции, обычно в голосе звучит нотка жалобы, заставляющая задуматься об идеалистических ожиданиях говорящего – как будто классовый враг когда-то держался своих эпизодических обещаний вести честную игру. Слепая вера либералов в то, что в политических и социальных вопросах существует некая чистая, неподвластная манипуляциям истина, как ни странно, находит свой отклик и у левых социалистов: именно она лежит в основе теории манипуляции, даже если об этом и не говорится вслух.

Однако эта теория не дает никакого импульса к движению вперед. Социалистический вектор, не выходящий за пределы нападков на существующие отношения собственности, представляется ограниченным. Экспроприация медиаконцерна «Шпрингер» вполне может представляться желанной целью, но следует помнить и о том, в чьи руки должны в таком случае перейти медиа. Партии? По прошлому опыту, приобретенному в результате подобных решений, это не является дельной альтернативой. Возможно, вовсе не случайно левым на данный момент так и не удалось проанализировать манипулятивные отношения, установившиеся в социалистических странах.

Тезис о манипуляции позволяет также облегчить свою собственную позицию. Демонизация противника маскирует ограниченность перспектив и слабые стороны собственной агитационной политики; если вместо мобилизации масс она приводит к самоизоляции, то это целиком и полностью вменяется в вину господствующей силе медиа.

Точно так же в медиа-дискурсе левых нашла себе место теория репрессивной терпимости; при всей своей тщательной проработанности и она, если выразиться коротко и недialeктически, стала двигателем пессимизма. В мире, где концерн по производству оргтехники размещает на плакате с объявлением о приеме на работу портрет Че Гевары с подписью «Мы бы его наняли», соблазн ретироваться может быть весьма высок. Но боязнь соприкоснуться с дерьмом – это роскошь, которую не всякий может себе позволить, и уж точно не работник очистных сооружений.

Электронные медиа распрощались с любого рода чистотой: они в принципе «грязные». Это является составляющей их производительной силы. По самой своей структуре они не допускают отклонения от общей линии; в этом – еще одна причина того, что левые, если только они не собираются пересматривать собственную традицию, не очень-то знают, как их можно было бы применить. Требование четко определенной «общей линии» и подавления «отклонений» анахронично и служит исключительно собственному успокоению. Оно подтачивает собственную позицию за счет иррациональных чисток, исключений и деления на фракции – вместо того, чтобы укреплять ее посредством рациональной дискуссии.

Подобного рода страхи и сопротивление подкрепляются рядом культурных факторов, воздействие которых по большей части воспринимается бессознательно и которые можно объяснить на основании социальной истории сегодняшних левых движений, а конкретно – исходя из их буржуазного происхождения. Зачастую кажется, что медиа воспринимаются как сверхмощное средство и как угроза именно из-за их прогрессивных возможностей – из-за того, что именно они впервые принципиально поставили под вопрос существование буржуазной культуры и, соответственно, привилегий буржуазной интеллигенции, причем намного радикальнее, чем могли быть какие-либо их собственные сомнения, родившиеся в данной среде. Создается впечатление, что враждебность новых левых по отношению к медиа вобрала в себя старые буржуазные опасения, как то страх перед «массовостью», и столь же старую буржуазную тягу к возврату к доиндустриальному состоянию под маской прогресса.

Еще в самом начале студенческих волнений, во времена «Движения за свободу слова» в Беркли, больше всего агрессии было направлено на компьютер. Внимание к странам Третьего мира не всегда бывает свободно от антицивилизационных выпадов, имеющих в запасе у консервативной критики культуры. Для Парижа мая 1968 года возврат к старым формам производства был особенно характерным. Вместо того, чтобы ангажировать работников современной офсетной типографии, студенты печатали свои плакаты на ручных станках Школы изящных искусств. Поэтические воззвания рисовались от руки: хотя использование шаблонов и могло бы обеспечить их массовое распространение, однако оно ограничивало творческую фантазию авторов. Не воспользовались протестующие и возможностью взять под свой контроль наиболее прогрессивные медиа, что было бы стратегически верно: вместо того, чтобы захватить радиостанцию, они оккупировали театр «Одеон».

Обратной стороной страха соприкоснуться с медиа является восторг, который испытывают перед ними левые движения, базирующиеся в мегаполисах. С одной стороны, товарищи вместо того, чтобы вникнуть в суть противоречия, существующего между сегодняшним пониманием медиа и их революционным потенциалом, предпочитают уйти в пользование устаревшими формами коммуникации и эзотерическим ремесленным производством, с другой стороны – не могут не подпасть под влияние программы индустрии сознания и ее эстетики. Субъективно это приводит к расколу между политической практикой в ее пуританском понимании и частной, «досуговой» сферой; объективно – к расколу между политически активными группами и субкультурами.

В Западной Европе социалистическое движение представлено в общественном пространстве прежде всего эксклюзивными с точки зрения языка, содержания и формы журналами, ориентированными на единомышленников. Подобная концепция корреспонденции и информационных изданий предполагает наличие определенной аудитории сторонников и сочувствующих и определенной медийной ситуации, по своему историческому уровню соответствующих приблизительно 1900 году; то, что им не дает покоя пример «Искры», совершенно очевидно. Может быть, те, кто их производят, слушают *The Rolling Stones*, в кино ходят на вестерны или Жан-Люка Годара, а на экранах у них мелькают вторжения и забастовки – вот только как производители они совершенно не принимают всего этого во внимание, и в их аналитическом понимании весь сектор медиа сводится к одному только ключевому слову «манипуляция». В этой области каждый шаг вперед изначально подпадает под подозрения в попытках интеграции. Подозрения эти не лишены оснований, однако в то же время они могут скрывать двойственность и неуверенность собственной позиции. Страх быть поглощенным системой – это симптом слабости; его наличие предполагает, что капитализм в состоянии справиться с любым противостоящим ему элементом – убеждение, которое легко опровержимо с исторических позиций и так же несостоятельно теоретически.

Если социалистическое движение не будет принимать во внимание новые производительные силы индустрии сознания и станет вытеснять работу с медиа в пространство субкультуры, то образуется порочный круг. Ведь несмотря на то, что андеграунд все более и более серьезно воспринимает технический и эстетический потенциал виниловых пластинок, видеомангитофонной записи, видеокамер и т. д. и постоянно эксплуатирует средства, имеющиеся в распоряжении в данной области, у него отсутствует собственная политическая перспектива, и потому он в большинстве случаев без всякого сопротивления оказывается во власти коммерции. На всякий подобного рода пример впоследствии самодовольно и злорадно указывают политически активные группы. Как следствие, обе стороны разучиваются пользоваться медиа и оказываются в проигрыше. Выгоду от враждебности левых по отношению к медиа и от деполитизации контркультуры получает исключительно капитал.

5.

Манипуляция, или, буквально выражаясь, выполнение некоего искусного или ручного приема, подразумевает целенаправленное техническое воздействие на имеющийся материал. Если речь идет о воздействии, имеющем непосредственную общественную значимость, то такая манипуляция представляет собой политическое действие. В индустрии сознания дело чаще всего обстоит именно так.

Таким образом, всякое использование медиа предполагает некую манипуляцию. Самые элементарные процессы медийного производства, от выбора носителя до дистрибуции, включая запись, монтаж, синхронизацию, сведение – все это воздействие на имеющийся материал. Нет такого процесса записи, съемки или трансляции, который не предполагал бы манипуляции. Поэтому вопрос не в том, происходит ли манипуляция медиа или нет, но в том, кто ими

манипулирует. Революционная идея должна заключаться не в том, чтобы устранить манипуляторов, а, напротив, в том, чтобы каждого сделать манипулятором.

Любой технический прием несет в себе потенциальную опасность. Но с манипуляцией медиа следует бороться не при помощи старых или современных форм цензуры, а лишь посредством прямого общественного контроля, то есть за счет масс, ставших продуктивной силой. Ликвидация отношений собственности, характерных для капитализма, является необходимым, но отнюдь не достаточным условием. Исторических примеров функционирования самоуправляемого массового процесса обучения, обеспечиваемого электронными медиа, до сих пор недостаточно. Страх коммунистов перед высвобождением этого потенциала, перед возможностями мобилизации, которые предоставляют медиа, перед взаимодействием свободных производителей представляет собой одну из основных причин того, что и в социалистических странах продолжает господствовать прежняя буржуазная культура, неоднократно замаскированная и видоизмененная, но по структуре своей неизменная.

В качестве исторического объяснения можно привести тот факт, что индустрия сознания в России времен Октябрьской революции была невероятно отсталой; с тех пор ее производительная сила колоссально возросла, но присущие ей производственные отношения были искусственно, во многом даже насильственно заморожены на прежней стадии. Как раньше, так и сейчас основными советскими медиа остаются подвергаемая весьма примитивной редакции пресса, книга и театр. Радиовещание, кино и телевидение задерживаются в своем развитии по политическим причинам. Поэтому зарубежные источники вещания, такие как «Би-Би-Си», «Голос Америки» и «Немецкая волна», не только имеют свою аудиторию, но и пользуются практически неограниченным доверием. Важную роль играют такие архаичные медиа, как переходящая из рук в руки рукопись или передаваемое из уст в уста стихотворение.

6.

Новые медиа по своей структуре эгалитарны. Путем простого подключения каждый может стать участником процесса; сами же программы нематериальны и воспроизводимы по желанию. В этом электронные медиа противопоставлены своим предшественникам, таким как книга или станковая живопись, чей эксклюзивный, классовый характер очевиден. И хотя технически можно представить себе телепрограммы для привилегированных групп лиц, транслируемые при помощи системы телевидения замкнутого контура (*CCTV*), но их существование было бы структурным противоречием. У новых медиа есть тенденция к ниспровержению любого рода образовательных привилегий, в том числе и культурной монополии буржуазной интеллигенции. В этом одна из причин враждебного отношения тех, кто мнит себя элитой, к индустрии сознания. Чем скорее они испустят тот самый дух, который так стремятся защитить от «деперсонификации» и «выхода в тираж» – тем лучше.

7.

Новые медиа ориентированы не на созерцание, а на действие, не на традицию, а на текущий момент. Их отношения с временем полностью противоположны тем, что свойственны буржуазной культуре, стремящейся к обладанию, а значит – к длительности, предпочтительно – вечности. Медиа не производят объекты, которые можно накапливать или пускать с молотка. Они начисто уничтожают понятие интеллектуальной собственности и ликвидируют понятие наследия, то есть специфической классовой передачи нематериального капитала.

Это вовсе не означает, что новые медиа существуют в отрыве от истории или способствуют утрате исторического сознания. Напротив, они впервые позволили фиксировать исторический материал таким образом, что он в любой момент может быть актуализирован.

Посредством того, что этот материал может быть использован в целях, диктуемых текущим моментом, новые медиа сообщают пользователю, что написание истории всегда предполагает некоторую манипуляцию. Но хранилище памяти, которым они располагают, не находится в распоряжении одной только касты образованных людей. Оно является достоянием общности. Сохраненная информация открыта доступу каждого, и этот доступ точно так же находится во власти текущего момента, как и сама фиксация. Достаточно сравнить модель частной библиотеки с моделью общественного хранилища данных, чтобы понять, в чем заключается структурное различие между ними.

8.

Было бы неверно рассматривать медиаоборудование как простые средства, предназначенные для потребления. В принципе они всегда в то же время являются и средствами производства, а за счет того, что они находятся в руках масс – обобществленными средствами. Электронным медиа не свойственно противопоставление производителей и потребителей; в гораздо большей степени оно искусственно поддерживается при помощи экономических и административных мер.

Более ранним примером подобного рода может служить противопоставление телеграфа и телефона. В то время как первый до сих пор остается в руках бюрократической инстанции, которая в состоянии проверить или сохранить в архиве всякий передаваемый текст, телефон находится в прямом распоряжении каждого пользователя; кроме того, при помощи конференц-связи он даже предоставляет возможность коллективного пользования, доступного группам находящихся на расстоянии друг от друга вовлеченных в дискуссию индивидов.

Напротив, беспроводные аудиальные и визуальные средства коммуникации по-прежнему регулируются государством (к примеру, при помощи закона о телекоммуникационных средствах связи). Если принимать во внимание технический прогресс, благодаря которому давно существует местная и международная радиотелефонная связь, а телевидению открываются все новые волновые диапазоны (в одном только гигагерцовом диапазоне частот можно одновременно без помех транслировать большое количество программ на одной местности, не говоря уже о возможностях, предоставляемых кабельным и спутниковым телевидением), существующее законодательство, имеющее целью контролировать эфир, просто анахронично; оно напоминает нам о тех временах, когда право пользоваться печатным станком предоставлялось королевской привилегией. Социалистическим движениям придется возобновить борьбу за собственные частоты вещания и в обозримом будущем установить собственные передатчики и ретрансляторы.

9.

Уже из приведенных структурных особенностей медиа следует, что ни один из нынешних господствующих режимов не в состоянии сдержать своего обещания. Лишь свободное социалистическое общество сможет использовать их продуктивно. Данную гипотезу подтверждает еще одно свойство продвинутых медиа – возможно, самое важное: их коллективная структура.

Перспектива того, что в будущем с помощью медиа каждый мог бы стать производителем, была бы ограниченной и аполитичной, если бы это производство ограничивалось личной самодеятельностью. Работа с медиа имеет индивидуальный характер лишь при условии, что она остается лишенной общественной и, как следствие, эстетической значимости. Как пример можно привести слайды, напечатанные с фотографий, сделанных за время последнего отпуска.

Разумеется, именно на это и нацелены господствующие рыночные механизмы. На примере таких устройств, как малоформатный фотоаппарат, узкоплечная кинокамера и магни-

тофон, которые уже фактически находятся в распоряжении масс, было давно продемонстрировано, что до тех пор, пока индивид будет распоряжаться ими изолированно, он в лучшем случае сможет достичь уровня любителя, но никак не производителя. Даже столь мощное производственное средство, как коротковолновый передатчик, было таким образом укрощено и в руках отдельных, территориально рассеянных радиолюбителей опустилось до уровня безобидного хобби, не имеющего никаких последствий. Передача, которую создает такой изолированный любитель, всегда представляет собой лишь плохую, запоздалую копию того, что он сам и без того принимает.

Таким образом, частное медиапроизводство представляет собой не более чем концессионный кустарный промысел. И даже то, что его продукт публикуется, является всего-навсего уступкой. При этом собственники медиа развивают собственные программы и рубрики, называющиеся, как правило, «Демократический форум» или что-то наподобие этого. Именно там, в специально отведенном для этого уголке, слово «предоставляется» самому читателю (слушателю, зрителю), при том, что его высказывание, разумеется, может быть обрезано так, как заблагорассудится. Как при демоскопическом опросе, его спрашивают только для того, чтобы он подтвердил свою зависимость. На самом деле это – регулирующий контур, при котором поступление обратной связи уже заранее полностью просчитано.

Понятие концессии применимо здесь и в другом, экономическом смысле: система стремится к тому, чтобы сделать каждого участника концессионером монополий, проявляющих его пленки и записывающих его кассеты. Таким образом любая самостоятельная деятельность, которую предполагает наличие видеомагнитофона, убивается уже в зародыше. Разумеется, такие тенденции вносят в эту сферу структурное противоречие, и новые производительные силы не только позволяют остановить их распространение, но и даже требуют этого.

Неубедительные, несостоятельные, зачастую даже унижительные результаты подобного концессионного производства, как правило, достаиваются весьма грубых комментариев со стороны профессиональных медиапроизводителей. К тому ущербу, который наносится массам, добавляется еще и ликующая насмешка – якобы они сами не могут научиться правильно пользоваться медиа. И то, что мы регулярно наблюдаем в различных популярных телешоу и телеиграх, как раз должно служить доказательством тому, что массы в действительности не в состоянии хоть как-то артикулировать свою позицию.

Это не только противоречит результатам недавних психологических и педагогических исследований – здесь легко усматривается защитная реакция: «одаренные» всего лишь стремятся оградить свою территорию от посягательств. По сути, речь идет о культурном довеске к знаменитым политическим рассуждениям о якобы «отупевшем» рабочем классе, не способном ни к какому самоопределению. Как ни странно, мнение о том, что массы в принципе не смогут осуществлять самоуправление, звучит из уст людей, которые считают себя социалистами; в лучшем случае это экономисты, которые под социализмом понимают не более чем просто национализацию.

10.

Напротив, любая социалистическая медиастратегия должна стремиться к тому, чтобы преодолеть изоляцию отдельных участников процесса общественного производства и обучения. Без самоорганизации со стороны участников это невозможно. В этом – политическая суть вопроса о медиа. В данной точке расходятся социалистическая, позднелиберальная и технократическая позиции. Тот, кто надеется, что технологическое устройство или система устройств, какова бы ни была их структура, могут поспособствовать эмансипации, находятся во власти сомнительной веры в прогресс; надежда, будто свобода медиа установится сама собой, стоит только всем и каждому исправно принимать и передавать, внушается либерализмом,

который по-прежнему пытается купить людей на устаревшие представления об изначально существующей гармонии общественных интересов, только в современной обертке.

Подобного рода иллюзиям следует противопоставить тот факт, что правильное пользование медиа не только требует организации, но и позволяет ее обеспечить. Любое производство, объектом которого являются интересы самих производителей, требует коллективной формы. Оно само уже является формой самоорганизации социальных потребностей. Уже сегодня существенная доля магнитофонов, фотоаппаратов, узкоплечных кинокамер находится в собственности людей, живущих на зарплату. Остается спросить, почему же данные средства производства не получают массового распространения на рабочих местах, в школах, в кабинетах бюрократов и вообще в любых местах, где возникают конфликтные общественные ситуации. Если бы с их помощью можно было зафиксировать агрессивные формы, присутствующие в публичном пространстве, массы могли бы сделать более безопасной свою повседневную жизнь, извлечь из этого полезные уроки.

Само собой разумеется, что перед лицом подобной перспективы буржуазное общество выстраивает целую батарею юридических мер предосторожности, ссылаясь на правила внутреннего распорядка, производственную и служебную тайну. В то время как ее секретные службы проникают в каждый дом и подключаются к самым личным разговорам, это общество трогательно прячется за ширму доверительных отношений и проявляет чуткое беспокойство о защите частной сферы, за которой не стоит ничего частного, кроме личных интересов эксплуататоров. Только благодаря организованному, коллективному подходу можно прорвать эти бумажные декорации.

Коммуникационные сети, выстраиваемые с этой целью, помимо своей основной функции могут служить в качестве организационных моделей, интересных с политической точки зрения. В социалистических движениях диалектическое противопоставление дисциплины и спонтанности, централизации и децентрализации, авторитарного управления и антиавторитарной дезинтеграции уже давно застряло в мертвой точке. Способы преодоления этого застоя можно почерпнуть в моделях коммуникации, выстроенных по сетевому принципу и на основе взаимного влияния: на примере газеты массового тиража, редактируемой и распространяемой самими читателями, видеосети политически активных групп и пр.

Возвращенные самим себе медиа способны нанести по приватному способу производства, присущему буржуазным интеллектуалам, удар намного более радикальный, чем любые благие намерения, и более существенный, чем экзистенциальный побег из собственного класса. Только посредством продуктивной работы и обучения можно нивелировать присущий им индивидуализм настолько, что он сможет перейти от зиждущейся на моральных основаниях (а следовательно, как и раньше, индивидуальной) самоотдачи на качественно новый уровень политического самосознания и поведения.

11.

Чрезвычайно распространено мнение, что сегодняшний капитализм существует за счет эксплуатации ложных потребностей. Но это в лучшем случае полуправда. Результаты исследований популярных американских социологов наподобие Ванса Паккарда небесполезны, но все же ограничены. Все, что они говорят о пробуждении спроса при помощи рекламы и искусственного устаревания продукта, в любом случае не может служить достаточным объяснением гипнотическому притяжению, которое оказывает массовое потребление на зависящих от зарплаты людей. Гипотеза о «навязанном потреблении» противопоставляет себя предрассудкам буржуазии, считающей себя политически просвещенной, относительно якобы интегрировавшегося пролетариата, ставшего мелкобуржуазным и коррумпируемым. Однако притягательность массового потребления основывается не на навязывании ложных, но на искажении и экс-

плуатации совершенно реальных и легитимных потребностей, которые только и обеспечивают паразитарное воздействие рекламы. Социалистическому движению необходимо не принижать эти потребности, а, наоборот, принимать их всерьез, исследовать их и продуктивно использовать в политических целях.

Это же касается и индустрии сознания. Тем, что перед электронными медиа трудно устоять, они обязаны не какой-то хитрой уловке, а элементарной мощи глубинных социальных потребностей, проявляющей себя даже при сегодняшнем весьма плачевном состоянии этого рода медиа.

Интересы масс остались в значительной мере неосвоенной областью – хотя бы ввиду того, что ими никто не интересуется, по крайней мере пока они еще только сравнительно недавно оформились. Со всей уверенностью можно сказать, что они во многом превосходят те цели, которые традиционно преследует рабочее движение. Точно так же как в сфере производства товарная индустрия и индустрия сознания в значительной степени переходят одна в другую, материальные и нематериальные потребности субъективно тесно сопряжены между собой. В них все так же задействованы прежние психосоциальные мотивы (уровень социального престижа, идентификационные паттерны), но также появляются и новые – мощные, но утопичные. С материалистических позиций ни те, ни другие не могут быть недооценены. Анри Лефевр⁹ предложил в отношении текущей ситуации массового потребления термин «спектакль», или «зрелище». Товары и витрины, дорожное движение и реклама, торговые центры и сигналы сети, новости и упаковка, архитектура и медиапродукция сливаются в единое целое, в непрерывный спектакль, охватывающий не только общественное пространство в центре города, но и внутреннее пространство частных домов. Девиз «жить красиво» превращает даже самые что ни на есть простые предметы быденного пользования в бутафорию этого вездесущего фестиваля, в котором фетишистская функция товара полностью затмевает его потребительскую полезность. Обманное очарование подобной феерии есть и остается в рамках нынешнего общества не более чем обманом. И все же в нем заложено нечто иное. Зрелище, в которое превращено потребление, несет в себе обещание того, что исчезнет нехватка товара. Грубые, вульгарные и фальшивые черты, присущие данному шоу, привлекают за счет того, что в реальности о том, чтобы это обещание когда-либо воплотилось в жизнь, не может быть и речи. Но до тех пор, пока существует нехватка, именно потребительская полезность является определяющим критерием, и нивелировать это можно лишь обманным путем. Однако подобного масштаба обман можно представить только в том случае, если он будет отвечать потребности масс. Такая потребность имеется, пусть даже она и утопична. Это стремление к созданию новой экологии, к ликвидации границ в окружающей среде, к эстетике, не ограничивающейся сферой искусственной красоты. Подобные желания не являются следствием усвоения правил капиталистической системы – по крайней мере, не в первую очередь. Они имеют физиологическую основу и не могут далее подавляться. Превращение потребления в зрелище – это пародия на предвосхищение утопии.

Обещания, которые заключают в себе сами медиа, точно так же двойственны. Они являются ответом на массовую потребность в нематериальном многообразии и мобильности (которая при этом стремится реализовать себя в форме туризма и владения частным автомобилем) – и в то же время эксплуатируют ее. Той же мощью и тем же стремлением к эмансипации обладают и другие коллективные желания, которые капитализм способен распознавать быстрее и оценивать точнее, чем противоположные ему течения – разумеется, лишь для того, чтобы завлечь их в свои сети и лишиться взрывного потенциала: это потребность принимать участие в общественном процессе (локального, национального и международного масштаба), потребность в новых формах взаимодействия, в избавлении от неинформированности и несамостоя-

⁹ Автор, очевидно, имеет в виду соратника Лефевра – Ги Дебора и его работу «Общество спектакля». – *Примеч. пер.*

тельности, в самоопределении. «Участвовать во всем» – один из наиболее успешных лозунгов индустрии сознания. «Совет читателей» газеты «Бильд» – это непосредственная демократия, обращенная против интересов самого демоса. «Свобода действий» и «свободное время» – понятия, аккумулирующие и одновременно нейтрализующие те желания масс, что должны двигать их вперед.

То же и с восприимчивостью медиа к утопическим сюжетам. К примеру, история одного юного американца итальянского происхождения, угнавшего калифорнийский самолет, чтобы отправиться на родину в Рим, безропотно была воспринята в том числе и реакционной многотиражной печатью – и, вне всякого сомнения, верно интерпретирована ее читателями. В основе подобной идентификации с героем лежит общая теперь уже для всех потребность: никто не желает смириться с тем, что такого рода поездки являются прерогативой политиков, чиновников и бизнесменов. Под аналогичным углом можно проанализировать и воздействие образа поп-звезды, в котором обнаруживаются как авторитарные, так и эмансипативные аспекты, представляющие собой довольно странную смесь. Может быть, все-таки немаловажно то, что бит-музыка выдвигает в качестве ролевых моделей не отдельных лиц, а целые группы. В продуктах, как и в самом способе производства, который используют *The Rolling Stones*, утопическое содержание присутствует совершенно явно. Мероприятия, подобные Вудстоку, концертам в Гайд-парке, на острове Уайт и в Альтамонтском гоночном парке (штат Калифорния), проявляют такую мобилизующую силу, что левые политики могут только позавидовать.

Совершенно очевидно, что при нынешних формах организации общества индустрия сознания не в состоянии удовлетворить ни одну из потребностей, за счет которых она существует и которые ей поэтому приходится стимулировать – разве что в иллюзорном формате игры. Но смысл не в том, чтобы дискредитировать ее обещания, а в том, чтобы поймать ее на слове и продемонстрировать, что они могут быть осуществлены лишь посредством культурной революции. Социалистические политики и правительства, сообщающие массам, что их потребности являются ложными, и тем самым возводящие их фрустрацию в квадрат, становятся сообщниками системы, с которой намеревались бороться.

12.

Обобщение

Репрессивное пользование медиа

Централизованно регулируемая программа

Один передатчик, много получателей

Иммобилизация изолированных индивидов

Пассивное потребительское поведение

Процесс деполитизации

Производство силами специалистов

Контроль в руках собственников или бюрократов

Эмансипативное пользование медиа

Децентрализованные программы

Каждый принимающий – потенциальный передающий

Мобилизация масс

Взаимодействие участников, обратная связь

Процесс политического обучения

Коллективное производство

Общественный контроль посредством самоорганизации

13.

В международной классовой борьбе обе стороны, за исключением встречающихся в больших городах фаталистичных приверженцев теории манипуляции, едины во мнении относительно объективно подрывного характера тех возможностей, которые дают электронные медиа. Франц Фанон первым обратил внимание на то, что транзисторный приемник представляет собой одно из мощнейших орудий в освободительной борьбе стран третьего мира. Бывший министр Южноафриканской республики и спикер правого крыла правящей партии Альберт Герцог придерживается мнения, что «телевидение [послужит причиной] краха белого человека в Южной Африке» («Шпигель», 20.10.1969). Американский империализм узрел каково положение вещей и пытается противостоять «революции растущих ожиданий» (как выражаются его идеологи) при помощи того, что пронизывает весь континент вплоть до самых отдаленных регионов бассейна Амазонки сетью собственных каналов вещания и бесплатно раздает местному населению одночастотные транзисторные радиоприемники. Нападки администрации Никсона на капиталистические СМИ Соединенных Штатов делают очевидным то, что сколь бы однобокой и искаженной не была их манера подачи информации, именно они сыграли решающую роль в мобилизации населения против войны во Вьетнаме. Если еще четверть века тому назад информация о массовой резне, учиненной французами на Мадагаскаре и повлекшей за собой почти сотню тысяч смертей, мелькнула разве что в газете «Монд» в рубрике «Различные происшествия» и потому прошла в метрополии незамеченной, не неся за собой никаких последствий, сегодняшние медиа доставляют сводки с полей битвы колониальных войн в самое сердце империализма.

Еще отчетливее непосредственный мобилизующий потенциал медиа становится заметен там, где он сознательно используется в подрывных целях. Их присутствие усиливает демонстративный характер любого политического действия. Студенческие движения в США, Японии и Западной Европе сумели вовремя распознать это и поначалу достигли в своем заигрывании со СМИ заметных, стремительных успехов. Однако данный эффект долго не продлился. Наивная вера в волшебную силу воспроизведения не может заменить собой организационные усилия; только активные, слаженно действующие группы могут навязать медиа законы, по которым им надлежит действовать. На примере уругвайского «Движения национального освобождения» видно, что их революционная тактика предполагает предание их действий огласке. Деятели, таким образом, становятся авторами. Похищение американского посла в Рио-де-Жанейро планировалось с расчетом на отклик, который оно вызовет в СМИ. Это было спродюсированное телешоу. Схожим образом действуют и арабские партизаны. На международном уровне первыми подобную технику испробовали кубинцы: Фидель с самого начала – еще в 1953 году, в казармах Монкада – верно оценил революционный потенциал медиа. Противозаконная политическая деятельность в наше время требует одновременно и соблюдения строжайшей тайны, и обеспечения максимальной публичности.

14.

Назревающие революции всегда приносят с собой спонтанные, скачкообразные изменения в наличествующем агрегатном состоянии медиа, и их носителем являются массы. Насколько далеко идущими будут совершаемые таким образом изменения и сколь продолжительным будет их воздействие, показывает степень успешности культурной революции. Ситуация в СМИ – самый надежный и чувствительный барометр, предвещающий появление бюрократических или бонапартистских антициклонов. Покуда вершит свой ход культурная революция, сила социального воображения масс опережает даже технологическое отставание

и настолько переиначивает функции прежних медиа, что рушится их структура. «Наша революция проделала колоссальную разъяснительную и пропагандистскую работу. Традиционная книга, разорванная на отдельные страницы, стократно увеличенная, расцветенная, плакатом вышла на улицу... Из-за скудости печатных возможностей и спешки самой лучшей в основном была ручная работа, самая благодарная для самых простых машинных способов тиражирования, несмотря на свою обыкновенность и лапидарность. Государственные законы печатались в виде разворачивающихся, как рулон, книг с картинками, армейские приказы брошюровались как маленькие иллюстрированные книжки»¹⁰. Российский кинематограф в двадцатые годы достиг уровня, опережающего имеющиеся в распоряжении производительные силы: «Кино-глаз» Пудовкина и «Кино-Правда» Дзиги Вертова¹¹ были вовсе не «еженедельными обозрениями», а политическими тележурналами на передовом экране. Кампания по борьбе с безграмотностью на Кубе прорвалась сквозь линейную и изолирующую структуру и эксклюзивность такого средства массовой информации, как книга. В Китае в годы культурной революции стенгазеты выполняли ту же функцию, что электронные средства массовой информации – по крайней мере, в больших городах. Протест населения Чехословакии против советского вторжения спровоцировал спонтанную производительность масс, позволившую перейти институциональные границы медиа. (Следует рассмотреть подробнее.) Подобные ситуации – это исключения. Именно их утопический характер, опережающий имеющиеся производительные силы (что позволяет избежать необходимости постоянно изменять производственные отношения), делает их нестабильными, приводит к спадам и поражениям. Тем явственнее видно, какая огромная политическая и культурная мощь кроется в массах, сдерживаемых в узде, и с какой силой они в момент освобождения воспринимают все те возможности, которые предоставляют им новые медиа.

15.

То, что марксисты левого толка, опираясь на позиции наиболее быстро развивающихся в их обществе производительных сил, должны пользоваться теоретическими доводами, действовать практично, задавать перспективу развития всем тем освободительным импульсам, которые эти производительные силы в себе заключают, и находить им стратегическое применение – это не научные ожидания, а политическая необходимость. Однако марксисты – за одним-единственным значительным исключением в лице Вальтера Бенямина, а вслед за ним и Брехта – не поняли сути индустрии сознания и восприняли лишь ее оборотную, буржуазно-капиталистическую сторону, а не заключенные в ней социалистические возможности. Труды такого автора, как Дьердь Лукач, полностью олицетворяют это теоретическое и практическое отставание. Да и работы Адорно и Хоркхаймера не лишены ностальгии по более ранним, буржуазным медиа.

Здесь не место обсуждать их понимание индустрии культуры. Для марксизма межвоенного периода гораздо более показательной является позиция Лукача, которая весьма легко читается в его раннем сочинении «Старая культура и новая культура» (1919). «Все создаваемое культурой», согласно Л., «может иметь действительно культурную ценность лишь тогда, когда оно является ценным само по себе... Когда возникновение каждого продукта, с точки зрения его творца является единым и завершенным процессом. А именно таким процессом, внутренняя связность которого зависит от человеческих возможностей и способностей творца. Самым

¹⁰ Эль Лисицкий. Наша книга (1926–1927) // Техническая эстетика и промышленный дизайн, № 4 (2006). Пер. с нем. С. Васнецовой.

¹¹ Всеволод Пудовкин упомянут здесь ошибочно, и документальный фильм «Кино-глаз», и документальный журнал «Кино-Правда» – работы Дзиги Вертова – Примеч. пер.

характерным примером такого процесса является художественное произведение, поскольку возникновение произведения целиком является результатом исключительно труда художника и каждая деталь возникшего произведения обусловлена индивидуальными качествами художника. <...> Напротив, при развитой машинной индустрии между продуктом и самим его создателем ликвидируется всякая связь. <...> *Человек служит машине, он приспособливается к ней*; производство становится совершенно независимым от человеческих возможностей и способностей рабочего»¹². «Этими разрушающими культуру силами» обеспечивается то, что пропадает «материальная подлинность» и падает «уровень», а производство перестает заниматься «произведением как самоцелью».

Происходит вот что: «произведения культуры перестают быть органическим единством, утрачивают свою гармоническую, дарующую радость суть». Культуре капитализма «должно было недоставать простой и естественной гармонии и красоты прежних культур – культуры в истинном, буквальном смысле этого слова». К счастью, этим все не заканчивается. «Культура пролетарского общества», в любом случае – даже при том, что «дальнейшая детализация выходит за пределы возможного здесь научного исследования», – будет способна преодолеть эти невзгоды. Л. задается вопросом, «каковы те культурные ценности, отвечающие сущности этих социологических рамок, которые могут быть *восприняты новым обществом у старого и развиты дальше*». Ответ: это будут вовсе не лишённые человечности машины, а «идея человека как самоцели, фундаментальная идея новой культуры», поскольку именно она и есть «наследие классического идеализма XIX века». Вальтер Беньямин по этому поводу, правда, замечает: «это проявление обывательского понятия *искусства* во всей его тяжеловесной неуклюжести, понятия, которому чуждо какое бы то ни было участие техники и которое чувствует с вызывающим появлением новой техники приближение своего конца» («Краткая история фотографии»)¹³.

Подобный ностальгический взгляд на прошлое столетие, провозглашение такого рода реакционных идеалов уже предвещает появление соцреализма, который в отчаянии вначале реанимирует, а затем хоронит те «культурные ценности», в защиту которых выступал Лукач. К сожалению, при этом пришел мучительный конец и советской культурной революции, о которой, правда, данный эстет вряд ли был более высокого мнения, чем сам И.В. Сталин.

Недопонимание марксистами сущности медиа и то сомнительное применение, которое они им находили, привело к тому, что в индустриальных государствах Запада образовался вакуум, в который совершенно закономерно начал прорываться поток немарксистских гипотез и практик. Те, кто не имел прямого отношения к политике – от «Кабаре Вольтер» до «Фабрики» Энди Уорхола, от комедийных актеров немого кино до *The Beatles*, от авторов первых комиксов до современных деятелей андеграунда, – гораздо радикальнее изменили пользование медиа, чем какие-либо левые политические группировки. (Исключение: Мюнценберг.) Новые производительные силы оказались направляемы людьми несведущими, руководствовавшимися одними лишь интуитивными представлениями, до которых коммунизму, к его большому несчастью, не было никакого дела. Сегодня глашатаем аполитичного авангарда выступает Маршалл Маклюэн – автор, у которого отсутствует какой-либо аналитический аппарат для понимания общественных процессов, но чьи путаные сочинения при этом представляют собой кладезь необработанных наблюдений за индустрией сознания; именно его голосом вещает тот самый авангард. О производительной силе новых медиа он, в любом случае, даже чисто интуитивно имел больше представления, чем содержалось во всех бесконечных постановлениях и директивах комиссаров-идеологов КПСС вместе взятых.

¹² Здесь и далее цит. по: Лукач Д. Старая культура и новая культура // Лукач Д. Политические тексты / Пер. с нем. С. Земляного, пер. с венг. Ю. Гусева. М.: Три квадрата, 2006. (Курсив Энценсбергера. – Примеч. пер.)

¹³ Беньямин В. Краткая история фотографии // Беньямин В. Краткая история фотографии. Цит. изд. (Курсив Энценсбергера. – Примеч. пер.)

Маклюэн, будучи неспособным к каким бы то ни было теоретическим изысканиям, не подводит накопленный им материал к формулировке конкретных выводов, а лишь сводит его к общему знаменателю реакционной спасительной доктрины. Но вот что он хоть и не изобрел, зато первым выразил – это мистическая природа медиа, которая позволяет всем политическим проблемам обратиться в пыль – ту самую пыль, которую они пускают в глаза своим сторонникам. Они провозглашают спасение человечества при помощи технологий телевидения, причем такого телевидения, каким мы знаем его сегодня. Стоит сказать, попытка Маклюэна перевернуть марксизм с ног на голову не так уж и нова. С многочисленными предшественниками его объединяет решительное желание вытеснить из поля зрения все проблемы экономического характера, а также идеалистические устремления и попытки поскорее сбить с рук классовую борьбу под маской своеобразного гуманизма. Он, как новый Руссо – и, как и любая копия, всего лишь бледный отсвет прежнего блеска, – возвещает символ веры новых примитивистов, которые – пусть, разумеется, и на более высоком уровне – должны вернуться к первобытно-общинному бытию в «глобальной деревне».

Размышлять над подобными суждениями едва ли стоит. Большого интереса, возможно, заслуживает самое известное изречение этого глашатая: «Средство коммуникации есть сообщение». Несмотря на провокационный идиотизм этой фразы, в ней заключается нечто большее, чем предполагал сам автор. Она чрезвычайно точно демонстрирует тавтологичность этого медийного мистицизма: согласно Маклюэну, единственным, чем примечателен телевизор, было бы то, что он вообще что-то показывает. Впрочем, в отношении американских телепередач и эта гипотеза имеет свою привлекательность.

Есть еще одна сопряженная с этим ошибка: широко распространенное заблуждение относительно того, что медиа представляют собой безучастные инструменты, посредством которых можно передать любое «сообщение», вне зависимости как от структуры сообщения, так и от структуры самого средства коммуникации. В странах восточной Европы дикторы зачитывают в телеэфире официальные сообщения о проходящих съездах или постановления ЦК партии длиной по четверть часа, которые даже в виде газетного текста воспринять было бы невозможно – по всей видимости, искренне веря в то, что таким образом завоюют сердца миллионов.

Во фразе «Средство коммуникации есть сообщение» кроется, тем не менее, куда более важное сообщение. Оно заключается в том, что хотя буржуазия и располагает всеми возможными средствами для того, чтобы донести до нас какое-либо послание, сообщить ей больше нечего. Она идеологически бесплодна. В этой надстройке совершенно четко выражено намерение буржуазии любой ценой удержать в своих руках право распоряжаться средствами производства при том, что употребить их на благо общества она не способна: ей хочется обладать средствами коммуникации *самими по себе и безо всякой цели*.

Это желание вот уже не одно десятилетие разделяет и художественный авангард, находящий ему символическое выражение. В его программе последовательно присутствует лишь два типа передачи сообщения: отсутствие сигнала и аморфный шум. Примеры тому – успешная уже устаревшая «литература молчания», фильмы Уорхола, в которых либо вообще ничего не происходит, либо происходит все одновременно, и сорокапятиминутная «Лекция о ничто» Джона Кейджа (1959)¹⁴.

16.

Радикальное изменение условий производства в надстройке привело к тому, что прежняя эстетическая теория стала неприменима, ее фундаментальные категории, все без исключения, были полностью переосмыслены, а «ориентиры» – разрушены. Лежавшие в ее основе

¹⁴ Прочитана впервые в 1949 году, здесь указана дата публикации. – *Примеч. пер.*

теории познания устарели; электронные медиа выявляют совершенно иное соотношение субъекта и объекта, не укладывающееся в прежние критические категории. Представление о завершённом произведении искусства осталось в далёком прошлом. Давнишние дебаты о конце искусства так и будут двигаться по кругу, пока не будут пересмотрены лежащие в их основе эстетические понятия и применяемые критерии, уже не соответствующие нынешнему уровню производительных сил. При формировании новой эстетики, которая соответствовала бы изменившейся ситуации, следует исходить из работ одного-единственного теоретика марксизма, который сумел распознать освободительный потенциал новых медиа. Ещё тридцать пять лет тому назад, то есть в те времена, когда индустрия сознания ещё не была достаточно развита, Вальтер Беньямин со свойственной ему дальновидностью подверг этот феномен диалектически-материалистическому анализу. С тех пор теории так и не удалось продвинуться настолько, чтобы оказаться вровень с Бенямином, не говоря уже о том, чтобы развить его мысль.

«Репродукционная техника, так можно было бы выразить это в общем виде, выводит репродуцируемый предмет из сферы традиции. Тиражируя репродукцию, она заменяет его уникальное проявление массовым. А позволяя репродукции приближаться к воспринимающему ее человеку, где бы он ни находился, она актуализирует репродуцируемый предмет. Оба эти процесса вызывают глубокое потрясение традиционных ценностей – потрясение самой традиции, представляющее обратную сторону переживаемого человечеством в настоящее время кризиса и обновления. Они находятся в теснейшей связи с массовыми движениями наших дней. Их наиболее могущественным представителем является кино. Его общественное значение даже и в его наиболее позитивном проявлении, и именно в нем, не мыслимо без этой деструктивной, вызывающей катарсис составляющей: ликвидации традиционной ценности в составе культурного наследия. <...> Техническая репродуцируемость произведения искусства впервые в мировой истории освобождает его от паразитарного существования на ритуале. Репродуцированное произведение искусства во все большей мере становится репродукцией произведения, рассчитанного на репродуцируемость... Но в тот момент, когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведений искусства, преобразуется вся социальная функция искусства. Место ритуального основания занимает другая практическая деятельность: политическая. <...> Сегодня произведение искусства становится, из-за абсолютного преобладания его экспозиционной ценности, новым явлением с совершенно новыми функциями, из которых воспринимаемая нашим сознанием, эстетическая, выделяется как та, что впоследствии может быть признана сопутствующей»¹⁵.

Тенденции, которые в свое время Беньямину удалось выявить на примере кино и теоретически осмыслить во всем их масштабе, сегодня, по мере того, как стремительно развивалась индустрия сознания, проявились во всей полноте. То, что раньше называлось искусством, было в строго гегельянском смысле этого слова утрачено за счет медиа и в самих медиа. Спорить о конце искусства бессмысленно, если не понимать этот конец диалектически. Художественная производительность представляет собой крайнее проявление производительности в куда более общем понимании, и социальную значимость она обретает лишь в той степени, в которой она отказывается от каких-либо притязаний на автономность и сама себя понимает как весьма маргинальное проявление. Опыт и знания производителей стали не нужны там, где они представляли вынужденную ограниченность своей специализации как добродетель и даже как основание для обретения некоего привилегированного статуса. Для эстетической теории это означает необходимость коренным образом сменить перспективу. Вместо того, чтобы рассматривать производительность новых медиа с точки зрения старых способов производства, нужно,

¹⁵ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Краткая история фотографии. Цит. изд.

наоборот, анализировать то, что производится посредством традиционных «художественных» средств, с позиций сегодняшних условий производства.

«Если до того впустую потратили немало умственных сил, пытаюсь решить вопрос, является ли фотография искусством – не спросив себя прежде: не изменился ли с изобретением фотографии и весь характер искусства, – то вскоре теоретики кино подхватили ту же поспешно вызванную дилемму. Однако трудности, которые создала для традиционной эстетики фотография, были детской забавой по сравнению с теми, что приготовило ей кино»¹⁶.

Можно понять, почему подобная смена перспективы вызывает панический страх. Она не только превращает бережно хранимые в надстройке секреты гильдии в балласт, но и содержит в себе исконно деструктивный элемент. Одним словом, это рискованно. Но единственный шанс на продолжение эстетической традиции лежит в том, чтобы обозначить ее диалектический конец. Точно так же классическая физика пережила свой конец, став крайним случаем гораздо более обширной теории – физики современной.

Это можно подтвердить на примере каждого в отдельности из сохранившихся видов искусства. Их нынешнее развитие не поддается разумению, если пытаться вывести его как логическое следствие предшествовавшего развития. Однако степень их приемлемости или неприемлемости вполне можно оценить, рассматривая их как отдельные случаи общей медиа-эстетики. Попытаемся на примере литературы указать на возникающие при этом некоторые из возможных критических подходов.

17.

С исторической точки зрения письменная литературная традиция играла доминирующую роль лишь на протяжении нескольких столетий. Уже сегодня период господства книги рассматривается лишь как эпизодическое явление. Ему предшествовал несравнимо более долгий период, в котором литературная традиция была устной; теперь же его сменяет эпоха электронных медиа, у которых вновь наблюдается тенденция к тому, чтобы заставить человека заговорить. Во времена своего расцвета книга в определенном смысле узурпировала более ранние и примитивные, но при этом повсеместно доступные способы производства. С другой стороны, именно она прокладывала путь тем способам, за которыми было будущее, которые позволили бы каждому стать производителем.

Впрочем, о революционной значимости книгопечатания написано уже немало, и было бы абсурдом закрывать на это глаза. Письменная литературная традиция по своей структуре была прогрессивна, как и буржуазия, породившая ее и взявшая себе в услужение. (Подробнее об этом см. «Манифест коммунистической партии».) По аналогии с экономическим развитием капитализма, обусловленным лишь наступлением индустриальной революции, нематериальные производительные силы также не могли развиваться, не накапливая свой капитал. (Накоплением «Капитала» и его учения мы также обязаны такому средству коммуникации, как книга.)

И все же практически каждый человек говорит лучше, чем пишет. (Писателей это тоже касается.) Письмо представляет собой в крайней степени формализованную технику, которая даже с чисто физиологической точки зрения требует принятия несвойственной, застылой позы. Этому соответствует высокая степень социальной специализации, которой требует письмо. Профессионально занимающиеся письменной деятельностью люди с давних времен мыслят понятием каст. Классовый характер их труда не поддается сомнению даже в эпоху общеобязательного школьного обучения. Сам процесс на удивление полон табу. Орфографи-

¹⁶ Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Краткая история фотографии. Цит. изд.

ческие ошибки, не имеющие с точки зрения коммуникации ни малейшего значения, в обществе караются деклассированием пишущего; правилам, применимым к данной технике, присваивается нормообразующая сила без каких-либо рациональных оснований. Внушение страха посредством написанного пером даже в развитых индустриальных обществах по сей день остается распространенным явлением, характерным для определенных классов.

Эти факторы отчуждения нельзя искоренить из письменной литературной традиции. Они подкрепляются теми методами, при помощи которых общество передает свойственную ему традицию письма из поколения в поколение: если говорить человек учится очень рано и чаще всего при благоприятных психологических обстоятельствах, то овладение искусством письма является важной частью авторитарной социализации, осуществляемой посредством школы («чистописание» как способ дрессировки). Это раз и навсегда определяет язык письменного сообщения, его тон, синтаксис и общий настрой (в том числе и того текста, что написан на этой странице).

Формализация письменного языка обеспечивает и поощряет вытеснение оппозиций. При говорении неразрешенные противоречия проявляются в паузах, запинках, оговорках, повторах, синтаксической несогласованности, не говоря уже о построении фраз, мимике, жестикуляции, темпе и громкости речи. Подобные произвольные явления эстетика письменной литературной традиции клеймит как ошибки. Явственно или нет, но она требует сглаживания противоречий, рационализации, регламентации формы речи вне зависимости от содержания. Еще в детстве пишущий приучается к тому, чтобы скрывать свои неразрешенные проблемы за завесой корректности.

Книгопечатание как средство коммуникации имеет монологичную структуру, предполагающую изоляцию как производителя, так и читателя. Обратная связь и взаимодействие здесь чрезвычайно ограничены, требуют принятия трудоемких мер и лишь в редчайших случаях приводят к каким-либо изменениям: отпечатанный тираж невозможно исправить, самое большее, что с ним остается сделать – пустить на макулатуру. Контроль посредством литературной критики весьма затруднен и носит элитарный характер, поскольку с самого начала исключает участие в нем читательской аудитории.

К электронным медиа не применим ни один из критериев, отличающих письменную и печатную литературу. Микрофон и камера лишают способы производства (но не само производство) классового характера. Нормативные предписания отступают на задний план: устный жанр интервью, спора, презентации не предполагают и не допускают ни соблюдения правил орфографии, ни чистописания. На телеэкране видно, что сглаживание противоречий в эстетических целях – это камуфляж. Там тоже достаточно лжецов, но по всем ним издали заметно, что они хотят что-то впарить зрителю. Радио, кино и телевидение в их современном состоянии донельзя насыщены авторитарными, монологичными чертами, унаследованными ими от прежних способов производства, и это вовсе не случайно. Эти устаревшие аспекты сегодняшней медиа-эстетики вынужденно сохраняются ввиду существующих общественных отношений. Они не являются следствием структуры самих медиа. Напротив, они противоречат ей, поскольку структура эта требует интерактивности.

Впрочем, крайне маловероятно, что письмо как особая техника может исчезнуть в обозримом будущем. То же касается и книги, поскольку во многих отношениях ее практические преимущества очевидны. Да, книга менее удобна в пользовании и занимает больше места, чем иные системы хранения, но пока что доступ к заключенной в ней информации более прост, чем, к примеру, в случае с микрофильмом или магнитной лентой. Она может быть интегрирована в систему новых медиа как маргинальный случай, но при этом должна утратить остатки окружающей ее ауры культа и ритуала.

Это можно понять по самому ходу технологического развития. Электроника все больше вторгается в пространство письма – появляются телетайп, телеграфный трансмиттер, автома-

тический фото- и компьютерный набор, телепринтер, текстовый процессор, электростатический копировальный аппарат, ленточная библиотека и стример, фотографическое копирование и электрофотография, скоростная электронная печать.

Между прочим, еще в 1923 году выдающийся русский медиапрактик Эль Лисицкий требовал создания «электробблиотек» – по состоянию технологий на тот момент это требование должно было казаться почти что бессмысленным или, по крайней мере, вызывать непонимание. Но вот насколько далеко в будущее простиралось его воображение:

«Я устанавливаю следующую аналогию:

Изобретения в области развития мысли:

Артикулированная речь

Письмо

Книгопечатание Гутенберга

?

?

Изобретения в области развития общества:

Прямохождение

Колесо

Повозки, влекаемые силой животных

Автомобиль

Аэроплан

Я выстраиваю эту аналогию, желая доказать, что до тех пор, пока книга будет необходима как осязаемый предмет, то есть еще не будет вытеснена самозвучащими или кинозвучащими формообразованиями, нам изо дня в день придется создавать новые важные изобретения в области изготовления книги... По некоторым признакам, этого важного изобретения нужно ожидать от соседней области – фототипии»¹⁷.

На сегодняшний день письмо во многом уже стало вторичной техникой, то есть способом транскрипции зафиксированной устной речи: это и транскрипты с магнитофонных записей, и попытки автоматического распознавания речи (спектра речевых сигналов), и перевод устной речи в письменную.

18.

Беспомощность литературной критики перед лицом так называемой документальной литературы – показатель того, насколько мысль рецензента отстает от уровня производительных сил. Беспомощность эта происходит оттого, что благодаря медиа утратил силу один из фундаментальных критериев прежней эстетической теории – критерий фиктивности. Противопоставление фиктивного и не-фиктивного исчезло, как исчезла особенно популярная в девятнадцатом столетии диалектика искусства и жизни. Еще Беньямину удалось продемонстрировать, что «аппаратура» (термина «медиа» в ту пору еще не было в употреблении) приходит на смену аутентичности. В производстве, осуществляемом в индустрии сознания, стирается различие между «оригиналом» и репродукцией: «Свободный от [аппаратной] техники

¹⁷ Эль Лисицкий. Наша книга (1926–1927) // Техническая эстетика и промышленный дизайн, № 4 (2006). Пер. с нем. С. Васнецовой.

вид реальности становится здесь наиболее искусственным»¹⁸. Процесс репродукции оказывает обратное воздействие на репродуцируемый объект и коренным образом изменяет его. Последствия этого еще не до конца прояснены с позиций теории познания. Категориальные сомнения, к которым он дает повод, влияют и на понятие документальности. Строго говоря, оно сузилось до своего первоначального юридического значения: документ – это то, чья «подделка», чье воспроизведение карается тюремным заключением. Разумеется, у такого определения нет никакой теоретической значимости. Это следует уже из того, что репродукция при надлежащем техническом качестве ничем не должна отличаться от исходника, будь то картина, паспорт или банкнота. Правовое понятие документального свидетельства применимо лишь в прагматических целях и служит только защите экономических интересов.

Производимая электронными медиа продукция подлежит принципиальному категориальному разделению, к примеру, на документальное и игровое кино. Она всегда зависит от контекста, и это совершенно очевидно. Продюсер, в отличие от традиционного романиста, никогда не может претендовать на то, чтобы «возвыситься» над тем, что он делает. Таким образом, он изначально будет привержен одной из сторон. Формально это находит выражение в манере его деятельности. Нарезка, монтаж, микширование – все это техники сознательной манипуляции, без которой обращение с новыми медиа в принципе немислимо. Именно в ходе подобного труда проявляется их производительная сила – неважно, идет ли речь о производстве репортажа или о создании комедии. Материал – «документальный» ли, «фиктивный» ли – в любом случае представляет собой лишь исходник, полуфабрикат, и чем дотошнее мы будем стремиться прояснить его происхождение, тем больше будет размываться грань между ними. (Рассмотреть подробнее. Реальность, в которой возникает камера, всегда «постановочна»: например, высадка человека на Луну.)

19.

Впрочем, благодаря медиа также перестает существовать и прежнее понятие произведения, мыслимого только как отдельный объект, сопряженный со своим материальным субстратом. Медиа подобных объектов не производят – они создают программы. Их продукция носит процессуальный характер. Это не только и не столько означает, что конца программы не предвидится (хотя то, что нам предъявляют сейчас, позволяет лучше понять определенного рода медиафобию); это означает прежде всего, что структура медиапрограмм не заканчивается на их последствиях. (Это не эмпирическое наблюдение, а условие. Но не такое условие, которое навязывается медиа со стороны – оно вытекает из их собственной природы. Именно из нее берет начало уже не раз описанная «открытая форма» медиа, вовсе не являясь модификацией, произошедшей от устаревшей эстетической теории.) Программы индустрии сознания обязаны вбирать в себя то воздействие, которое они оказывают, реакции, которые они вызывают, и правки, которым способствуют – иначе они мгновенно устареют. Поэтому их следует рассматривать не как средства потребления, а как средства собственного воспроизводства.

20.

Художественный авангард имеет свойство как бы предвосхищать те возможности медиа, которые еще только появятся в будущем. «С древнейших времен одной из важнейших задач искусства было порождение потребности, для полного удовлетворения которой время еще не пришло. В истории каждой формы искусства есть критические моменты, когда она стремится

¹⁸ Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Краткая история фотографии. Цит. изд.

к эффектам, которые без особых затруднений могут быть достигнуты лишь при изменении технического стандарта, т. е. в новой форме искусства. Возникающие подобным образом, в особенности в так называемые периоды декаданса, экстравагантные и неудобоваримые проявления искусства в действительности берут свое начало из его богатейшего исторического энергетического центра. Последним скопищем подобных варваризмов был дадаизм. Лишь сейчас становится ясным его движущее начало: дадаизм пытался достичь с помощью живописи (или литературы) эффекты, которые сегодня публика ищет в кино»¹⁹.

В этом же заключается и прогностическая ценность таких бесполезных в прочих отношениях действий, как хеппенинги, Fluxus и «Шоу смешанных медиа»²⁰. Существуют писатели, в чьих произведениях читается осознание того, что сегодня медиа монологичного характера обладают лишь остаточной потребительской полезностью. Тем не менее, некоторые среди них делают из этого весьма недальновидные выводы. К примеру, они предоставляют пользователю возможность посредством произвольных перестановок самому скомпоновать предоставленный в его распоряжение материал – так, словно каждый читатель должен стать соавтором той книги, что он держит в руках. Если говорить утрированно, подобные попытки спровоцировать интеракцию с пользователем даже вопреки самой структуре избранного средства коммуникации не сводятся ни к чему иному, как к предложению впустую потратить время: шумовые помехи не допускают выраженного взаимодействия. Редукция, которую предлагает нам, к примеру, концептуальное искусство, основывается на банальном заблуждении относительно того, что с развитием производительных сил любой труд становится якобы излишним. На подобном основании можно предоставить компьютер самому себе в надежде, что генератор случайных чисел окажется в состоянии самостоятельно организовать производство. По счастью, кибернетике такие развлечения неведомы.

21.

Из этого следует, что целью «художника» прежних времен – назовем его лучше «автором» – должно было быть стремление сделаться излишним как специалист: все равно что учитель грамотности, чей долг считается выполненным лишь тогда, когда в его уроках нет больше никакой потребности. Как и любое обучение, этот процесс взаимный: специалисту придется обрести у неспециалиста то же или даже большее количество знаний, что тот получил от него – только тогда он может упразднить сам себя.

Тем временем его пользу для общества разумнее всего будет измерять тем, в какой мере он способен находить применение освободительному потенциалу медиа и позволить ему реализоваться. Существование тактических противоречий, с которыми он при этом вынужден сталкиваться, невозможно отрицать, как невозможно и завуалировать. Но стратегически его задача ясна. Автор должен служить агентом масс. И он только тогда сможет полностью раствориться в них, когда сами массы станут авторами – авторами истории.

22.

«Пессимизм разума и оптимизм воли»
(Антонио Грамши)

¹⁹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Краткая история фотографии. Цит. изд.

²⁰ «Шоу смешанных медиа» – перформанс в духе нео-дадаизма, устроенный 18 октября 1968 года в Доме искусств Гамбурга художественным объединением «Кооперация: кооператив художников Гамбурга». – *Примеч. пер.*

III. Об авторе

Ганс Магнус Энценсбергер – знаковая фигура немецкой мысли XX века, поэт, писатель, драматург, издатель, переводчик и публицист, чьи труды переведены более чем на 40 языков мира. За всю его обширную творческую биографию – публиковаться он начал в 1957 году – едва ли найдется хотя бы какой-то промежуток, за который не увидело бы свет ни одного его текста, будь то художественный, культурологический или политический, оперное либретто или научно-популярное исследование, детская книжка-картинка или трактат о гастрономических пристрастиях европейцев, эротические рассказы или критический памфлет, направленный против реформы немецкого правописания; создаваемым им новым литературным формам не всегда можно подобрать аналог. Если считать и многочисленные псевдонимы, под которыми он выступал – Андреас Тальмайр, Серенус М. Бреценганг, Джорджо Пеллици, Бенедикт Пфафф, Линда Квилт, Элизабет Амбрас, Тревиза Буддензик, – иной год будет богат двумя, тремя публикациями, а то и более. Филолог по образованию, Энценсбергер владеет девятью иностранными языками; в его переводе немецкому читателю известны «Сожаления о моем старом халате» Дени Дидро, «Мизантроп» Мольера, «Дом Бернарды Альбы» Федерико Гарсиа Лорки, лимерики Эдварда Лира, произведения Антуана де Сент-Экзюпери, Уильяма Карлоса Уильямса, Сесара Вальехо, Пабло Неруды, Франко Фортини, Ларса Густафссона, Дьердя Далоша, Чарлза Симики, Стенли Мосса и других. На сегодняшний день он является лауреатом более чем двадцати премий, в том числе Премии им. Георга Бюхнера – самой престижной литературной награды Германии, которую он получил, когда ему было чуть более тридцати, а его литературное наследие исчисляется почти сотней томов, не считая книг, вышедших под его редакцией, пьес и статей.

На восемьдесят седьмом году жизни выдающийся немецкий интеллектуал с поразительной регулярностью преподносит современникам не только литературные новинки (в 2012 вышел новый том, объединивший двадцать коротких эссе под названием «Паноптикум Энценсбергера»; в 2013 увидели свет «Наблюдения герра Ц., или Оброненные им и подобранные слушателями крошки» – коллекция афоризмов некоего вымышленного полноватого господина, разгуливающего каждый день по парку и пристающего с беседами к добропорядочным бюргерам, – и сборник легких, изящных стихотворений «В сторону голубизны»; в 2014 – автобиографические заметки под названием «Суматоха» и сказочная повесть о семейном кризисе «Раз – и нет!»; в 2015 – перевод «Маленького принца», экономический роман в миниатюре «Вечно одни только деньги!» и антология стихотворений, написанных с 1950 по 2015 годы), но и весьма меткие наблюдения относительно политических и культурных процессов в мире. «У него нос по ветру», – сказал как-то раз о нем Юрген Хабермас, имея в виду удивительное чутье писателя на зарождающиеся тенденции. При этом точнее всего его позицию охарактеризовала, пожалуй, газета «Франкфуртер рундшау», назвав ее «зигзагообразным курсом» – по аналогии с названием сборника критических эссе «Зигзаг» (1997): действительно, Энценсбергер знаменит тем, что не раз в жизни менял убеждения, не стесняясь затем клеймить в своих сочинениях прежние идеалы. Немецкая пресса, привыкнув, списывает это «пожизненное петляние» («Франкфуртер альгемайне цайтунг») на влияние раннего постмодернизма и принципиальный неконформизм.

Последний начал проявлять себя еще с ранних лет: в школе будущий оппозиционер был исключен из гитлерюгенда за строптивый характер и кляузничество, в конце Второй мировой войны дезертировал из рядов народного ополчения, в которые был призван в возрасте пятнадцати лет. В 1950-е годы Энценсбергер увлекается марксизмом, становится убежденным сторонником левых взглядов, посещает практически все страны социалистического лагеря – однако по его критическим эссе мы видим, что он вовсе не прельстился коммунистической

идеологией, а, напротив, позволяет себе весьма резкую критику политики отдельных стран, и в частности СССР. В начале 1990-х, подводя итоги, он скажет, что всегда был скептиком, а потому так никогда и не стал коммунистом – и тогда же опубликует эссе «Взгляды на гражданскую войну» (1993), в котором еще откровеннее выскажется о схожести нацизма и сталинизма. В 1960-е годы будет активно поддерживать оппозицию и студенческое движение (финансово и идеологически – своей издательской и литературной деятельностью), познакомится с членами «Фракции Красной Армии», приютит в собственном доме легендарный проект «Коммуна-1», девятеро участников которого – в том числе его младший брат Ульрих, бывшая жена и девятилетняя дочь – стремились создать новую модель ячейки общества, состоявшей из независимо развивающихся личностей, в противовес буржуазной семье, считавшейся в кругах, близких берлинскому Социалистическому немецкому студенческому союзу и мюнхенскому «Субверсивному действию», прародительницей фашизма. Выпустит сборник «Помилования» (1970), в котором приводятся оправдательные речи в пользу революционеров, подвергнутых политическим репрессиям. На фоне всеобщей политизированности провозгласит смерть литературы и конец искусства, способствуя – с точностью до наоборот – смене литературного курса и формированию направления, получившего название «новая субъективность», где на передний план выступает описание индивида, пострадавшего под давлением общественных сил. Создаст поэму «Крушение “Титаника”» (1978), в которой с иронией опишет крах надежд «поколения 68-го». Одним из первых – за несколько лет до объединения Германии – употребит в художественной литературе обозначения «осси» и «весси», создав в своем сборнике рассказов «Ах, Европа! Восприятие с позиций семи стран» (1987) образ вымышленной Германии 2006 года, раздираемой, несмотря на воссоединение, смертельной враждой между Востоком и Западом. В начале двухтысячных в числе немногих немецких мыслителей выступит в поддержку войны в Ираке (что потом, спустя несколько лет, опять же назовет невероятным заблуждением со своей стороны); в отношении мусульманских террористов-смертников будет заявлять, что исламская культура таким образом пытается преодолеть собственный комплекс неполноценности, возникший в результате того, что арабские страны, в Средние века во многом превосходившие Старый свет, затем стали от него все больше отставать. В 2010-х обратится с критикой в адрес Евросоюза, говоря, что данный институт, проводя политику за закрытыми дверями, ошибочен и противоречит изначальной цели своего создания. Он сравнивает Саддама Хусейна с Гитлером, продолжает говорить о недопустимости кооперации крупных концернов и СМИ, приводящей к формированию политической силы, нацеленной на то, чтобы сделать из гражданина квази-счастливого, полностью подконтрольного, легко управляемого потребителя, и называет Эдварда Сноудена вероятным героем двадцать первого столетия.

Энценбергер публикуется в прессе, пишет пьесы для театра и радио, подростковые романы, сочиняет стихи и сказки для детей и речитативы на музыку, а в 1972 году даже снимает по собственному сценарию фильм об испанском анархисте Буэнавентуре Дуррути-и-Доминго «Дуррути – биография легенды»: несколько лет спустя на собранном материале он напишет книгу, в которую войдут фрагменты из писем современников, тексты выступлений, газетные статьи и другие документальные свидетельства, в том числе репортажи Ильи Эренбурга и Михаила Кольцова. В последние годы он вновь обратился к кино и начал работать над созданием фильма о Георге Кристофе Лихтенберге, немецком математике и физике эпохи Просвещения. Математика – еще одна давняя страсть Энценбергера, которой он посвятил не одно произведение, как для взрослых, так и для детей – в частности, «Дух Числа. Книга под подушку для всех, кто боится математики» (1997), «Разведенный мост: математика по ту сторону культуры» (1999), «Удача и расчет: два рода математического удовольствия» (2009). В 2006 году Немецкое математическое общество почтило вниманием его многолетнее увлечение, назвав в честь Энценбергера формулу, имеющую пусть не столь существенную научную, но зато большую эстетическую ценность.

Ганс Магнус Энценсбергер живет и работает в Мюнхене.

1929 Родился в г. Кауфбойрене (Швабия).

1949 По возвращении с фронта оканчивает школу, начинает учиться на языковеда, литературоведа и философа; при поддержке Учебного фонда немецкого народа посещает курсы в Университете имени Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге, Фрайбургском и Гамбургском университетах, а также в Сорбонне.

1955 Защищает диссертацию о творчестве Клеменса Брентано в Университете Эрлангена-Нюрнберга (опубликована как монография в 1961 году). Вскоре после защиты вступает в «Группу 47» – послевоенное объединение немецких литераторов, стремившихся к обновлению немецкой литературы после Второй мировой войны, в заседаниях которой принимает участие наряду с Гюнтером Грассом, Генрихом Бёллем, Мартином Вальзером, Гансом Вернером Рихтером, Альфредом Андершем и другими. Под руководством Андерша работает редактором на Южнонемецком радио, начинает писать лингвистические и медиакритические эссе, которые впоследствии лягут в основу сборника «Детали I и II» (1962). В первой части сборника будет опубликовано эссе «Индустрия сознания».

1956 В течение учебного года выступает с лекциями в Высшей школе формообразования в Ульме. Получает Премию Гуго Якоби, присуждающуюся, согласно его завещанию, «борющимся за выживание и собственный стиль молодым поэтам».

1957 Выпускает первый сборник стихов «защита волков», носящий выраженный политический характер. Женится на Дагрун Кристенсен; вместе с супругой переезжает к ней на родину, в Норвегию, где будет работать на протяжении двух лет. У Энценсбергеров рождается дочь Танаквиль.

1959 В течение года живет и работает в окрестностях Рима.

1960 Получает должность редактора в известном немецком издательстве «Зуркамп».

1961 Возвращается в Норвегию; поселяется а о. Хьёме.

1962 Награжден Премией немецких критиков. К тому моменту на счету Энценсбергера как писателя уже три сборника стихов, литературоведческое исследование, составленное им собрание сочинений Брентано, сборник эссе, сказка, комедийная пьеса, переводы с французского и английского; как редактора и составителя – книги «Развенчание туризма» (1959), «Музей современной поэзии» (1960), «Ослиная шкура. Забавные детские прибаутки» (1961) и «Предзнаменование. Пять новых немецких авторов» (1962).

1963 Публикует переводы поэзии Сесара Вальехо и Франко Фортини. Получает Премию им. Георга Бюхнера.

1964 В качестве приглашенного профессора кафедры поэтики читает во Франкфуртском университете имени Иоганна Вольфганга Гёте авторский цикл лекций по литературоведению под названием «Играют ли писатели какую-то роль?» (опубликованы в 2009 году в составе сборника «Стычки и схолии. О литературе» под редакцией Райнера Барби).

1965 Совместно с писателем Карлом Маркусом Михелем, с 1961 года также работавшим редактором в издательстве «Зуркамп», основывает культурно-политический журнал «Курсбух» (букв. «расписание движения»; «Не читай од, сын мой, читай расписания – они точнее», – напишет Энценсбергер еще в одном из своих первых стихотворений). Здесь же впоследствии будет опубликовано его эссе «Элементы теории медиа» (№ 20, 1970). Пост выпускающего редактора он будет занимать до 1975 года, после чего уступит полномочия Михелю; этот период останется наиболее ярким в истории журнала: издание быстро становится главным рупором студенческого движения и внепарламентской оппозиции и с тех пор в течение сорока лет занимает позицию наиболее влиятельного журнала о культуре во всей стране. «Курсбух», не раз сменив владельцев, выходил вплоть до 2008 года, затем в 2012 году был возрожден в формате ежеквартального альманаха с социологическим уклоном.

1966 Получает Премию в области искусства и наук г. Нюрнберга. Посещает съезд Союза писателей СССР в Баку, где знакомится с Марией Макаровой (Алигер), дочерью поэтессы Маргариты Алигер и писателя Александра Фадеева, которую затем будет называть своей «безумной влюбленностью».

1967 Посещает Москву. После развода с первой супругой женится на Марии Алигер. Молодожены вскоре отправляются в США, где Энценсбергер получает место в Уэслианском университете. Спустя три месяца из-за несогласия с внешней политикой Соединенных штатов покидает университет и страну и вместе с женой перебирается на Кубу; в последующие месяцы они побывают в Камбодже, Голландии, Швеции. Брак просуществует всего несколько лет – свой «русский роман», визит в СССР и встречу с Хрущевым Энценсбергер впоследствии опишет в автобиографическом произведении «Суматоха» (2014).

1970 Выходит наиболее известное критическое эссе Энценсбергера – «Элементы теории медиа».

1974 Возвращается в США; на этот раз задерживается в Нью-Йорке на несколько месяцев.

1978 Получает вторую Премию немецких критиков.

1979 Переселяется в Мюнхен. Выходит его первый роман «Короткое лето анархии. Жизнь и смерть Буэнавентуры Дурутти».

1980 Удостаивается «Золотого венца» Стружских вечеров поэзии. Совместно с чилийско-немецким писателем и драматургом Гастоном Сальваторе, племянником Сальвадора Альенде, учреждает журнал «ТрансАтлантика», который просуществует до 1991 года, хотя сам Энценсбергер покинет редколлегию уже в 1982 году. За время работы знакомится с Катариной Кевер, которая впоследствии станет его третьей женой.

1982 Энценсбергеру присуждается Премия Пазолини за заслуги в области поэзии.

1985 Получает Премию им. Генриха Бёлля. Совместно с художником книги Францем Грено основывает знаменитую серию «Другая библиотека», выпускающуюся издательством «Эйхборн» и существующую вплоть до сегодняшнего дня под маркой собственного одноименного издательского дома. В ее состав вошли любимые произведения самого учредителя, незаслуженно забытые произведения классиков, первые публикации трудов современных немецкоязычных авторов и переводы произведений мировой литературы, прежде неизвестных немецкому читателю – в частности, работы Монтеня и Дидро, Честертона и Флобера, Дарвина и Гумбольдта, Герцена и Леви-Стросса, Ильфа и Петрова, Гриммельсгаузена и Лагерлёф, равно как и тексты Ганса Магнуса и Ульриха Энценсбергеров (у первого – также под псевдонимом). Благодаря своему высококачественному эксклюзивному оформлению книги серии представляют собой библиофильскую редкость.

1986 Рождение дочери Терезии.

1993 Энценсбергер становится лауреатом Премии мира им. Эриха Марии Ремарка. Сборнику эссе «Великое переселение. Тридцать три фрагмента с одним примечанием о некоторых особенностях охоты на людей» присуждается премия «Политическая книга» Фонда им. Фридриха Эберга.

1994 Награжден Почетной премией в области культуры земельной столицы Мюнхен.

1995 Становится консультантом берлинского театра Возрождения.

1997 Книга «Дух Числа» вошла в число ежемесячно объявляемых «Семи лучших произведений для молодых читателей» по версии радиопередачи «Дойчландфунк» (май 1997) и была отмечена премией «Рысь», учрежденной станцией «Радио Бремен» совместно с газетой «Ди Цайт».

1998 Получает Премию им. Генриха Гейне г. Дюссельдорфа.

1999 Награждается орденом «За заслуги в науке и искусстве».

2000 Сборник «Водяные знаки поэзии» избран аудиокнигой года по версии редакции радиостанции «Гессенское радио-2: Культура» и журнала «Биржевой листок немецкой книжной торговли».

2002 Награжден Премией принца Астурийского²¹ за достижения в области коммуникации и наук о человеке. В том же году получает престижную Премию им. Людвига Бёрне, от призового фонда которой отказывается в пользу небогатой берлинской журналистки и писательницы Габриэлы Гёттле, считая ее современной последовательницей Бёрне – мастера политического фельетона.

2006 Берлинско-Бранденбургская Академия наук присуждает Энценсбергеру Премию Немецкого математического общества в области медиа–2006. Одновременно на церемонии награждения имя «Звезда Энценсбергера» присваивается многочлену шестой степени $400(x^2y^2 + y^2z^2 + x^2z^2) - (1 - x^2 - y^2 - z^2)^3 = 0$ (поверхность, задаваемая данным уравнением, имеет форму изящной шестиконечной звезды). Литературное наследие Энценсбергера отмечено итальянской Международной премией им. Габриэле д'Аннунцио в области рассказа и поэзии.

2010 Награжден Премией имени Карла Йоханна Соннинга – высшей наградой Дании в области культуры.

2014 Передает свой литературный и эпистолярный фонд в Немецкий литературный архив в Марбахе; часть его, наряду с Ландесбергским поэтическим автоматом (машиной, автоматически комбинирующей слова в рамках заданной поэтической конструкции, которая была изначально задумана как теоретическая модель, а затем в 2000 году вместе с сопроводительным эссе представлена на фестивале «Лирика в Лехе» г. Ландесберг-ам-Лех; впоследствии автомат пополнил собрание известного коллекционера современного искусства Рейнгольда Вюрта), можно увидеть в постоянной экспозиции марбахского Музея современной литературы.

2015 Ганс Магнус Энценсбергер становится первым лауреатом швейцарской Премии им. Франка Ширрмахера за выдающиеся достижения на пути к пониманию современных событий.

²¹ После восшествия принца Фелипе на престол в 2014 году переименована в Премию принцессы Астурийской. – *Примеч. пер.*